

К 185.663

АДМИРАЛ
УШАКОВ

В.А. СНЕГИРЁВ

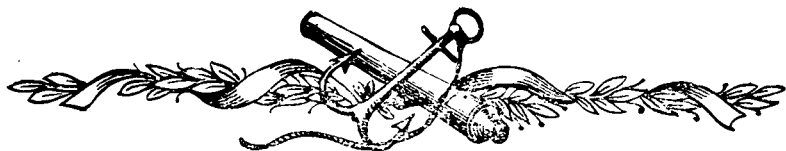
АДМИРАЛ
УШАКОВ

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1945

1. КАДЕТСКИЙ МОРСКОЙ КОРПУС И УЧЕБНЫЕ ПЛАВАНИЯ

Умя Фёдора Фёдоровича Ушакова связано с одним из блестящих периодов в истории русского военно-морского флота.

Ушаков родился в 1745 г. в деревне Алексеевке Темниковского уезда Тамбовской губернии «от недостаточных родителей», как говорит Р. Скаловский¹, один из лучших биографов Ушакова. О материальном достатке семьи Ушаковых можно судить хотя бы по тому факту, что отец Ушакова Фёдор Игнатьевич Ушаков, мелкопоместный дворянин, оставил по завещанию своему сыну всего лишь 19 душ. Столь же скромно было и служебное положение Фёдора Игнатьевича, занимавшего в глухой провинции маленькую должность в чине коллежского регистратора.

Благодаря историку Д. Н. Бантыш-Каменскому мы располагаем некоторыми данными о ранних годах будущего адмирала².

До шестнадцатилетнего возраста Ушаков жил в уединённой деревне, тонувшей в море полей и перелесков чернозёмной области. Никаких русских воспитателей, а тем более иностранных гувернёров, которых принято было держать тогда в семьях помещиков среднего достатка, у Фёдора Ушакова не было. Он был предоставлен самому себе и рос на свободе, среди деревенских ребят, мало отличаясь от них не только образом своей

¹ Скаловский, Жизнь адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова, Спб. 1856, стр. 4.

² Д. Н. Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей Русской земли, т. V, М. 1836. Сообщения этого автора очень ценны, потому что он использовал рассказы об Ушакове его современников.

жизни, но и одеждой. Ушаков уже на склоне своих лет нередко вспоминал о том, что приехал в Петербург для поступления в корпус в «лапотной», по его выражению, одежде.

Домашнее образование подростка Ушакова ограничилось весьма скудными познаниями, какие мог передать ему деревенский поп, сам не великий грамотей. Оно сводилось к тому, что Ушаков научился читать по Часослову и познакомился с начатками «цифири» (арифметики). По словам Скаловского, в те годы, «предаваясь более развитию физическому, нежели умственному, он находил лучшим для себя удовольствием пренебрежение опасностями, удовлетворявшее врождённому бесстрашию его характера». Бесстрашие же Ушакова, юнца среднего роста, с широкими плечами и грудью, его физическая сила и ловкость были настолько велики, что он с другим таким же смельчаком, старостой своей деревни, не раз ходил с рогатиной на медведя.

В 1761 г. в жизни Ушакова произошло очень важное событие, навсегда определившее его дальнейшую судьбу: весной этого года он поступил в Морской шляхетский (дворянский) кадетский корпус. Что именно побудило отца Ушакова послать своего сына, наследственного обитателя сугубо «сухопутной» деревушки, от которой не только море, но даже и Волга была достаточно далеко, — неизвестно. Существует предположение, будто рассказы о море и мореплавании односельчанина Ефима, служившего во флоте бомбардиром при Петре I, ещё в детстве произведшие сильнейшее впечатление на Фёдора Ушакова, побудили его поступить на морскую службу. Однако, вернее всего, в действительности причина была иная. К тому времени, когда Фёдор Ушаков достиг зрелого возраста, в гражданскую службу, за малыми исключениями, шли лишь так называемые разночинцы, дворяне же обычно поступали на военную службу. О том, чтобы Ушаков, у себя в деревне ходивший босиком или в лаптях, поступил в гвардию, понятно, не могло быть и речи. Служба в армии на грошовом жалованье обещала монотонное прозябание в провинции. Подобная перспектива не могла, конечно, улыбаться юноше энергичному, способному, как это показали ближайшие же годы. Таким образом, оставалась лишь военноморская служба, нелёгкая, но интересная и подобно службе в гвардии имевшая немало преимуществ. Возможно, что известную роль в выборе этой профессии сыграла и память об А. И. Ушакове, видном моряке петровских времён, приходившемся родственником семье Ф. Ф. Ушакова.

Как бы то ни было, зимой 1761 г. Фёдор Ушаков по санному пути отправился в далёкий путь, в Петербург. Добрался он

туда в феврале, и 15-го числа того же месяца¹ уже был принят в Морской корпус.

Это учреждение, из стен которого вышел целый ряд славных деятелей русского флота, было создано в 1752 г. взамен учреждённых Петром I Навигацкой школы в Москве и Морской академии в Петербурге.

Учился Ушаков превосходно, хотя и поступил в корпус без всякой подготовки; отличался и хорошим поведением. В 1763 г. он был произведён в гардемарины. Летом во время учебных плаваний к берегам Швеции и острову Эзель он проявил большие способности и в 1764 г. получил чин капрала. Два года спустя Ушаков закончил своё образование и был выпущен во флот мичманом. Его успехи в корпусе подтверждаются документальными данными. В списке 59 воспитанников, окончивших корпус 1 мая 1766 г., имя Ушакова стоит одним из первых: «Фёдор Калугин, Яков Бухарин, подпрапорщик Фёдор Путятин, капрал Фёдор Ушаков»².

По выходе из корпуса Ушаков был определён на пинк³ «Нарген», назначенный под командованием капитан-лейтенанта Глотова к переходу из Кронштадта в Архангельск. По сравнению с учебными плаваниями в Балтийском море это было хотя и не очень дальнее, но уже «настоящее» и притом очень нелёгкое плавание. Предстояло, обогнув Скандинавский полуостров, пройти часть Ледовитого океана, прежде чем достичь устья Северной Двины и Архангельского порта.

Служба во флоте была нелёгкой. Требования, предъявляемые к экипажу, были большие, взыскания суровые. Пища, даже и офицерская, была однообразная, в основном солонина и сухари, вода далеко не всегда свежая. Нужна была физическая выносливость, любовь или по меньшей мере давняя привычка к морскому делу, чтобы не тяготиться подобными условиями. Но Ушаков не тяготился ими. Он был из породы тех моряков, которых англичане истари очень метко прозвали «смолёная кюветка». Море было стихией Ушакова, корабль — его полным домом. В преклонном уже возрасте Ушаков, подводя жизненные итоги, любил повторять и в письмах и в беседах, что всегда предпочитал быть на корабле, а не на суше.

Плавание «Наргена» до Архангельского порта прошло вполне

¹ Все даты даны по старому стилю.

² Ф. Веселаго. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет, Спб. 1852. Список, стр. 10.

³ Пинк, пинка — военно-транспортное судно XVIII в. в Балтийском флоте; позднее так назывались двухмачтовые морские суда.

благополучно. Согласно расписанию в Кронштадт надлежало вернуться перед закрытием навигации. Но ранняя в тот год зима, сопровождавшаяся сильными штормами, помешала этому. Зимовать пришлось в Архангельске, благодаря чему Ушаков имел возможность познакомиться с бытом наших поморов, с их рыбными и охотничьими промыслами в зимнее время, с ездой на собаках и оленях и т. п. Всё это было нелишним для начинающего моряка, которого распоряжение Адмиралтейств-коллегии в любой момент могло забросить из полярных вод в тропики, из Средиземного моря к берегам Камчатки.

К осени 1767 г. «Нарген» пришёл в Кронштадт. Ушаков с похвальной аттестацией был переведён на корабль «Три иерарха», которым командовал капитан 1-го ранга С. К. Грейг. Лето 1768 г. прошло в практическом плавании по Финскому заливу. Это было хорошей школой для Ушакова, потому что Грейг отличался глубоким знанием военно-морского дела и был прекрасным командиром. Под руководством Грейга экипаж обучался пушечной стрельбе, офицеры практически изучали морское дело и основы морской тактики.

Подобные занятия были весьма ко времени, ибо ещё летом 1768 г. в Петербурге стали усиливаться слухи о предстоящей войне с Турцией.

2. ПЕРВАЯ РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768—1774 гг. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Важнейшими событиями военной истории России во второй половине XVIII в. были войны с Турцией, ознаменовавшиеся рядом замечательных побед Румянцева и Суворова на суше, Спиридова и Ушакова на море.

В царствование Екатерины II (1762—1796) Россия дважды была вынуждена вступать в вооружённую борьбу с Турцией. Основной причиной этих войн было стремление России к выходу на Чёрное море. Это стремление было вызвано жизненно необходимыми потребностями русского государства. Почти всё царствование Петра было заполнено упорной и победоносной борьбой за выход на Балтийское море, от которого русское государство в течение нескольких столетий было отрезано агрессивными западными соседями в лице немцев, польско-литовских панов и шведов.

Петру удалось «в Европу прорубить окно». Россия получила, наконец, возможность самостоятельного экономического раз-

вития и могла теперь осуществлять торговые и культурные связи с передовыми странами Западной Европы.

Однако насущные интересы русского государства требовали выхода России также и на южные моря для сношений со странами Востока и Южной Европы и вывоза украинского хлеба, в котором настоятельно нуждался средиземноморский рынок.

Этим стремлениям России настойчиво препятствовала Турция, боявшаяся усиления России. Попытки добиться выхода на Азовское и Каспийское моря, предпринятые Петром, окончились неудачей. В царствование Екатерины II многолетняя борьба за южные моря привела к успеху.

При Екатерине II начало первой войны с Турцией было ускорено под влиянием французского правительства, стремившегося столкнуть Турцию с Россией для ослабления последней. Туркам казалось, что наступил удобный момент для того, чтобы остановить продвижение России к Чёрному морю. В 1768 г. султан, предъявив русскому правительству заведомо невыполнимые требования и получив отказ, велел арестовать русского посла и заключить его в Семибашенный замок.

Весной 1769 г. войска крымского хана, находившегося в вассальной зависимости от султана, вторглись в пограничные южные русские владения и стали их опустошать. Россия должна была взяться за оружие.

Начавшаяся таким образом война застала русский военноморской флот в далеко не блестящем состоянии: он только начинал возрождаться после тяжёлого периода упадка, наступившего со смертью Петра.

Сухопутная армия лишь недавно победоносно закончила войну с Пруссией, разгромив «непобедимые» войска Фридриха. Война довела страну до крайних пределов напряжения. Закалённая в тяжёлой борьбе русская армия снова была готова к боям. Не совсем так обстояло дело с флотом, настоятельно требовавшим коренного обновления.

Особенно трудное положение создавалось на Чёрном море, где России предстояла борьба с Турцией, располагавшей сильным флотом и фактически господствовавшей на Чёрном и Азовском морях.

Чтобы выдержать борьбу с сильным противником на Чёрном море, России нужен был флот, который предстояло создать заново. То немногое, что оставалось на юге после строительства судов во время русско-турецкой войны 1736—1739 гг., представляло собой развалины; в таком же жалком состоянии находились и наши южные заброшенные верфи. В связи с этим, едва началась война, первым делом было занятие Азова и Таганрога,

после чего было предписано: «Сначала сделать укрепление в Азове для обороны от нечаянного нападения, а потом и настоящее и всю прочую работу без потери времени и с поспешностью производить». Последнее указание относилось к немедленной постройке на Дону и его притоках, на старых петровских верфях, флотилии, получившей в дальнейшем название Донской или Азовской.

В исходе 1768 г. на Дон были посланы из Балтийского флота 1 300 матросов, и тогда же Ушаков, находясь в числе офицеров, назначенных в Азовскую экспедицию, отправился на юг под главное начальство вице-адмирала А. Н. Сенявина.

Энергичный и талантливый Сенявин был поставлен во главе всего предприятия. Ему было поручено в скорейшее время восстановить полуразвалившиеся верфи в Таврове, Новопавловске и Хопёрске, заложить на них боевые суда лёгкого типа, укрепить с моря Азов и Таганрог, оборудовав последний как базу для вновь создаваемого флота. При выполнении данного ему поручения Сенявин встретил огромные трудности. Из-за отсутствия на месте рабочей силы, знающих мастеров, строительного материала и разных припасов приходилось всё выписывать из-под Москвы и Петербурга. Крайне неудовлетворительные пути сообщения замедляли доставку людей и материалов.

Все суда, строившиеся на донских верфях, должны были иметь самую небольшую осадку, чтобы быть выведенными через Донской бар (мель) в открытое море. В соответствии с этим было приступлено к постройке нового типа парусно-гребных судов, получивших наименование «новоизобретённых кораблей». Они имели от 12 до 16 пушек 12- или 6-фунтового калибра; в числе этих судов были и бомбардирские, вооружённые гаубицами и мортирами. «Новоизобретённые корабли», почти плоскодонные, сидели в воде не глубже 9 футов. Сверх этого строились 32-пушечные фрегаты¹ и казачьи лодки.

1769 и 1770 годы прошли в трудной работе по оборудованию верфей, портов, постройке судов и крейсерствах в Азовском море. В это время (1769) Ушаков находился на праме² № 5, в отряде капитана Пущина, охранявшем устье Дона. В этом же году 30 июля Ушаков был произведён в лейтенанты.

¹ *Фрегат* — в парусном флоте наиболее быстроходный трёхмачтовый военный корабль с одной закрытой батареей и орудиями на свободных местах верхней палубы.

² *Прам* — плоскодонное парусное судно, вооружавшееся пушками большого калибра и предназначавшееся для действий против берега на мелководье, реках и пр.

В течение 1770 г. действия достраивавшейся Азовской флотилии попрежнему ограничивались прикрытием устьев Дона. Ушаков принимал участие в многочисленных крейсерствах, сначала командуя прамом № 5, а затем прамом «Дефдеб».

С наступлением 1771 г. выяснилась настоятельная необходимость участия Азовской флотилии в операциях сухопутных войск. Её задача была определена в письме главнокомандующего Дунайской армией Румянцева к Сенявину следующим образом: «Операции нашей флотилии весьма бы споспешествовали военным действиям нашим, если вы пройдёте со своими судами в Чёрное море и отрежете всю помощь к крепостям неприятельским, что лежат при берегах морских в Крыме, которые потому и были бы уже в руках наших».

Это задание было весьма трудно осуществимо как вследствие численной слабости Азовской флотилии по сравнению с турецким флотом, так и вследствие её качественного несовершенства, вызванного трудными условиями постройки и поспешностью её. Несмотря на это, Сенявин блестяще исполнил возложенное на него поручение. Выйдя ранней весной 1771 г. из Таганрогского порта всего лишь с 12 судами с общим числом 190 орудий, он сперва прикрывал с моря движение нашего сухопутного корпуса по побережью, затем, узнав, что в Еникальском проливе показались турецкие суда (числом 40), вёзшие десантные войска для высадки в Крым, он устремился к проливу и заставил неприятеля быстро отступить. Вход в Азовское море с занятием Еникале и Керчи был прочно закрыт для турок. Ключ от этих «дверей» отныне был в руках русских.

В 1771 г., состоя на фрегате «Первый» под командованием капитан-лейтенанта Тишевского, Ушаков участвовал в рейсе фрегата по Дону до Азовского моря, а потом был назначен командиром четырёх транспортных судов, доставлявших лес к Таганрогу для постройки там фрегата.

В это время наши сухопутные войска, которым в Крыму уже не грозил с фланга десант, нанесли противнику ряд серьёзных поражений.

Таким образом, первый решительный шаг к овладению Чёрным морем был сделан; теперь оставалось закрепить за собой весь Крымский полуостров. Для этого требовался флот, который должен был не допустить перевозки в Крым турецких десантных войск. Но флот нужно было ещё создать, а за это время Турция надеялась вернуть себе военное счастье. Однако этим надеждам был вскоре же нанесён сокрушительный удар действиями русского Балтийского флота в Средиземном море, важнейшими из которых явились победоносное

сражение в Хиосском проливе и уничтожение турецкого флота в знаменитом Чесменском бою 26 июня 1770 г.

Чесменская победа оказала большое влияние на дальнейшие события и сыграла немаловажную роль при заключении мира. Весной 1772 г. Турция предложила перемирие, длившееся с некоторым перерывом до марта 1773 г., когда под давлением Франции оно было окончательно нарушено. После этого военные действия возобновились главным образом на Дунае и на Чёрном море; на Средиземном море наш флот осуществлял успешную блокаду Дарданелл, вследствие чего население Стамбула начало испытывать голод.

В 1772 г. Ушаков получил в командование бот «Курьер» и вместе с фрегатом «Первый» плавал от Таганрога до Кафы (Феодосия), а оттуда был послан к эскадре, стоявшей в Балаклаве. По возвращении эскадры в Керченский пролив Ушакову был поручен брандвахтенный пост у Керчи. Плаванья этого года замечательны лишь тем, что несколько наших небольших судов совершили первые переходы по Чёрному морю, доставляя депеши с Дуная в Азовское море и обратно.

Весь 1772 год прошёл в спешной работе над постройкой фрегатом; одновременно шла переделка «новоизобретённых кораблей» с целью придания им большей мореходности. К весне 1773 г. усилиями Сенявина и его подчинённых первая Черноморская эскадра смогла начать действия по охране Крымского побережья. Её появление на море отвечало требованиям момента: русская Крымская армия была значительно ослаблена выделением из неё отрядов, посланных на главный театр войны как раз в то время, когда турецкие суда всё чаще стали показываться у крымских и кавказских берегов.

Пребывание вражеских кораблей в соседних с Крымом водах вынуждало русских продолжать крейсерство до поздней осени, чтобы не допустить высадки турецких войск. Оно имело также целью прикрывать Керченский пролив и конвоировать наши транспорты с продовольствием для расположенной в Крыму армии. Ввиду этого Сенявин разделил свой флот на несколько небольших отрядов, назначив для них сборным пунктом Балаклаву.

В 1773 г. Ушаков, командуя тем же «Курьером», снова ходил в Кафу, Таганрог, а потом находился в прибрежном крейсерстве. По вторичном же прибытии осенью этого года в эскадру в Балаклаве он получил в командование корабль «Морея»¹.

¹ Названия «Морея», «Модон», «Делос», «Архипелаг» и другие были даны нашим кораблям в память тех мест на Средиземном море, где русскими были одержаны победы в 1770 г.

Вскоре ему был поручен другой корабль, «Модон», для следования в Таганрог, но так как «Модон» за ветхостью оказался непригодным к осеннему плаванию, Ушакову пришлось зимовать в Балаклаве.

1774 год прошёл в более решительных действиях, положивших конец войне. После смерти султана Мустафы его преемник Абдул-Гамид привлёк все средства своей империи для достижения если не победы, то хотя бы сколько-нибудь почётно мира. Надежды султана основывались на том, что с 1770 г. Турция уже успела значительно пополнить свои морские силы. Не решаясь, правда, выступить в Архипелаге, где господствовал русский флот, Абдул-Гамид готовился к наступательным действиям на черноморском театре, но после Чесмы, Ларги, Кагула и перехода Румянцева через Дунай в 1773 г. перелом уже наступил, и исход войны, несмотря на всю её тяжесть для России, в основном определился.

На Чёрном море Сенявин со своим немногочисленным, но уже боевым флотом подготовил противнику должный отпор. Суда, зимовавшие в Балаклаве, в том числе и «Модон», были оставлены там для защиты гавани и крепости, прочие сконцентрировались в районе Азовского моря. В самом конце мая у Керченского пролива показалась большая турецкая эскадра, намеревавшаяся прорваться в Азовское море. Она была далеко отброшена в открытое море контр-адмиралом Чичаговым. Но за это время другая эскадра неприятеля всё же успела высадить между Судаком и Ялтой большой десант. Однако захватить Балаклаву, важный стратегический пункт, туркам не удалось: суда, оставленные для её защиты, помогли отразить повторные нападения врага.

Тем временем блестящие победы на Дунайском фронте Суворова, Салтыкова и Каменского под командованием фельдмаршала Румянцева, в 1774 г. разбившего турок под Силистрией, поставили Турецкую империю в критическое положение. Деморализованные турецкие войска бунтовали, занимались грабежом, с каждым днём проявляли всё большее неповиновение. Высокая Порта¹ была вынуждена обратиться к русскому правительству с предложением начать мирные переговоры.

Согласно мирному договору, заключённому в местечке Кучук-Кайнарджи 10 июля 1774 г., Турция отказалась от пре-

¹ Турки называли своё правительство «Баб-и-Али», что значит «Высокая дверь» или «Высокие врата». Название, повидимому, произошло от названия дворца с высокой дверью, где помещалось правительство Турции. Русские дипломаты XVIII в. ввели название «Блистательная» или «Высокая Порта», которое употреблялось ещё в начале текущего столетия.

тензий в отношении Крыма и Кубани, вернула России Азов, отдала Керчь и Еникале, иначе говоря, всё Азовское море, а также Кинбурн и всё пространство между Днестром и Бугом; признала право свободного плавания наших торговых судов по Чёрному морю с пропуском их в Средиземное море и обратно; обязалась уплатить 4 500 тысяч рублей контрибуции.

Россия утвердилась, наконец, на берегах Чёрного моря, ещё в далёкой древности, при первых киевских князьях (X—XI вв.), называвшегося Русским морем. Беззаветное мужество, стойкость, героическая самоотверженность великого русского народа, хотя и скованного тогда крепостническим режимом, смелая деятельность немногочисленного, только что созданного флота позволили правительству Екатерины достигнуть результатов, в возможность которых не верила Западная Европа.

В июле 1775 г. в Москве на Ходыньском поле состоялись по случаю победоносного мира пышные двухнедельные торжества.

3. ЗАГРАНИЧНЫЕ ПЛАВАНИЯ. НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Война 1768—1774 гг. была хорошей боевой школой для Ушакова. За шесть лет, проведённых им на Чёрном море, молодой офицер превратился в опытного командира. Всё это время ему приходилось принимать непосредственное участие в предварительных операциях, подготовлявших тот или иной удар по врагу, нести ответственную сторожевую службу, требовавшую напряжённой бдительности даже и тогда, когда вокруг всё казалось спокойным. Затем, командуя в 1771 г. четырьмя транспортами, доставлявшими в Таганрог материал для достраивавшегося там фрегата, он уже имел возможность проявить и свои способности незаурядного администратора. Общее руководство такого адмирала, как Сенявин, который входил даже во все мелочи службы моряков, разумеется, оказало самое благотворное влияние на Ушакова как боевого моряка. На Чёрном море в те годы уже начала создаваться знаменитая в истории нашего флота боевая черноморская школа. Одним из основоположников этой достойной преемницы славных традиций петровской школы был и молодой Ушаков.

После окончания войны деятельность Ушакова до 1787 г. протекала в иной обстановке. Переведённый в 1775 г. в Петербургскую корабельную команду, он получил трёхмесячный «домовый отпуск», по возвращении из которого был произве-

дён в чин капитан-лейтенанта. На Балтийском море Ушаков пробыл тогда недолго — меньше года. В это время в Кронштадте снаряжалась эскадра специального назначения для плавания в Средиземном море. Цель плавания была определена в указе Адмиралтейств-коллегии следующим образом: «Для расходов вне государства и для сохранения курса от упадка отправить из Петербурга русские товары на казённый счёт для продажи в иностранных местах».

В этих целях три фрегата с грузом железа, нефти, корабельных тросов и прочим подняли купеческий флаг. Их конвоировал военный фрегат «Северный орёл» под командой капитана Козлянинова, начальника всего отряда. Ушаков получил назначение на этот фрегат.

Небольшая эскадра покинула Кронштадт в середине лета 1776 г.; местом назначения было Ливорно, куда пришли в сентябре. Здесь в это время находились пять небольших фрегатов из оставшегося за границей флота. Один из этих фрегатов, «Св. Павел», поступил под командование Ушакова. На нём Ушаков совершил из Ливорно ряд рейсов по Средиземному морю в Константинополь, Гибралтар и другие порты. Бросая тогда якорь около некоторых мест или проходя мимо них, Ушаков, конечно, не мог думать, что двадцать лет спустя именно он в этих местах будет предводительствовать победоносным русским флотом. Но с присущей ему наблюдательностью он поступал во время своего крейсерства так, как если бы ему особо было поручено исследование берегов и вод Средиземного моря: он собирал различные сведения, которые давали возможность изучить Средиземноморье в качестве возможной арены новых военных действий.

Торговое плавание было долгим; оно продолжалось 2 года 9 месяцев. В Кронштадт вернулись только весной 1779 г. Вслед за этим Ушаков был назначен командиром корабля «Георгий Победоносец», но через несколько месяцев снова был переведён в Петербургскую корабельную команду, а в конце того же 1779 г. по распоряжению Адмиралтейств-коллегии был командирован на Волгу, в Рыбинск и Тверь, для транспортирования оттуда на петербургские верфи корабельного леса.

По выполнении этого поручения Ушаков в августе 1780 г. был назначен — очевидно, в виде поощрения за образцовую службу — командиром императорской яхты. Для офицера без протекции это было, правда, очень почётное и выгодное, но вместе с тем и очень ответственное назначение. Его добивались представители наиболее знатных фамилий того времени. Стать командиром царской яхты — значило быть на виду у двора, по

делам службы вращаться среди самых влиятельных людей империи; не имея до тех пор протекции, но будучи человеком «искательным», как тогда говорили, можно было в несколько месяцев создать её и тем самым обеспечить себе быстрое продвижение по службе. Но Ушаков не воспользовался выпавшей на его долю редкой удачей. В новой должности он пробыл менее двух месяцев, когда яхта стояла на Неве против Зимнего дворца, а уже в сентябре получил в командование 64-пушечный корабль «Виктор».

В должности командира императорской яхты «смолёная куртка» оказался не на своём месте. Блестящее светское общество, изящные молодые люди в морской форме, «дальние плавания» которых ограничивались Финским и Ботническим заливами, придворные дамы, вельможи, модные развлечения, сплетни, пустая болтовня, шутки и остроты на «французском диалекте» — всё это был особый мир. Мало было одного лишь желанья, надо было обладать ещё и умением, чтобы войти в этот круг и стать в нём «своим человеком». Ушаков же не испытывал к этому ни малейшего желанья и стремился совершенно к другому. Кто-то, может быть, иронически, но во всяком случае очень верно, заметил тогда, что в придворном кругу Ушаков был «не к масти козырь, ибо презирал искательство и слишком любил добродетель».

Действительно, для Ушакова, со дня поступления в корпус смотревшего на службу во флоте как на служение родине, обстановка раззолоченной яхты совсем не подходила. Он, конечно, испытал большое удовлетворение, когда перешёл на военный корабль. Здесь Ушаков был в своей сфере, чувствовал себя, как рыба в воде: строгий, ничем не нарушаемый распорядок дня, ежедневное обучение команды, беседы с младшими офицерами, которым Ушаков старался передать свой боевой опыт, делали его жизнь осмысленной, целеустремлённой. Вскоре он покинул Кронштадтский рейд и отправился в новое плавание.

В 1781 г. в Средиземное море была послана третья по счёту торговая эскадра под начальством контр-адмирала Сухотина. Ушаков принял участие в походе, командуя кораблём «Виктор».

На этот раз плавание, ничем особым не ознаменованное, продолжалось недолго: летом 1782 г. эскадра Сухотина уже вернулась в Кронштадт.

На петербургских верфях сооружались тогда два фрегата: «Проворный», обшитый белым металлом, и «Св. Марк», обшитый медью. В дальнейшем предстояло испытание качеств новых кораблей и преимуществ одной обшивки перед другой. Ушаков, произведённый в 1782 г. в чин капитана 2-го ранга, временно

сдал свой корабль другому офицеру и, будучи назначен командиром фрегата «Проворный», наблюдал за его достройкой. Таким образом он расширил свои познания в области судостроения, необходимые для всякого моряка, серьёзно относящегося к своей профессии, а в те годы судостроение приобретало особо важное значение.

Опыт первой турецкой войны, происходившей главным образом на суше, показал всю трудность достижения решительного успеха с помощью одной только армии. Тотчас же после заключения мира приступлено было к расширению кораблестроения на Дону и кроме прежних верфей выше Воронежа (Тавров, Новопавловск, Хопёрск) устроены были новые, в устьях Дона. В 1775 г. было постановлено избрать на Днепровском лимане место для будущего военного порта, а в следующем году на Днепре, около урочища Глубокая пристань, был заложен и обнесён укреплениями город Херсон с гаванью, адмиралтейством и эллингом. Город строился под начальством новороссийского генерал-губернатора, тогда ещё только графа, Г. А. Потёмкина, головкружительство которого уже началось.

При Потёмкине военное кораблестроение на юге сразу пошло быстрым темпом. С окончательным присоединением Крыма к России в 1783 г. было решено основать новую морскую базу на Чёрном море, в Ахтиарской¹, теперешней Севастопольской, бухте, так как база в Азовском море была слишком удалена от театра предстоящих военных действий. Кроме того, на верфях Азовского моря возможно было строительство только небольших судов. Херсон же хотя и мог обслуживать нужды военно-морского флота, но, будучи внутренней базой, подвергался опасности во время войны быть закрытым турецким флотом. Эта опасность была вполне реальной: при помощи крепости Очаков Турция владела выходом из Днепровского лимана в море.

Екатерина подчинила флот непосредственно Потёмкину, с 1785 г. вступившему в управление всем Черноморским флотом с его адмиралтействами и портами на Чёрном и Азовском морях, на Дону и Днепре. Потёмкин, несмотря на отсутствие опыта в таком сложном деле, как управление морским флотом, с первых же шагов проявил себя человеком замечательных способностей. Обладая даром удачного выбора помощников, как это несколько позднее подтвердилось выбором Ушакова, Потём-

¹ *Ахтиар* — по-татарски белая или меловая гора; *Севастополь* — по-гречески Знаменитый город.

кин управлял их деятельностью, не вмешиваясь в детали и не стесняя инициативы, которую он умел ценить и поддерживать.

Вообще при более близком знакомстве с деятельностью Потёмкина становится ясным; насколько преувеличено мнение о нём как о «распущенном самодуре» и «властолюбивом деспоте». Учитывая все недостатки Потёмкина, его неуравновешенность и несдержанность, нельзя всё же отрицать того, что это был крупный государственный деятель, действовавший по определённой программе ради интересов России, как он их понимал. Вместе с тем «великолепный князь Тавриды» (выражение Державина) был, по отзывам современников, гуманным и справедливым начальником, искренне любившим своё дело.

С таким же вниманием относился он и к делам сухопутной армии. При нём была введена новая, более свободная форма обмундирования, покончившая с косами и буклями, улучшено материальное довольство войск. Повторными приказами Потёмкина проведено смягчение существовавших до того времени телесных наказаний. Имя Потёмкина, ненавистное для знати, стало популярным среди солдат, хотя и не в такой степени, как имя Суворова.

Но главной заслугой Потёмкина перед родиной было создание Черноморского флота. В 1783 г. в Херсоне был спущен первый черноморский корабль «Слава Екатерины» (66-пушечный) и в 1785 г. — первый большой 50-пушечный фрегат «Георгий Победоносец», после чего началось непрерывное пополнение молодого флота боевыми судами. В 1784 г. первая небольшая эскадра под командой капитана Войновича вышла из Днепровского лимана и после крейсерства около берегов Крымского полуострова осенью вошла на зимнюю стоянку в новоустроенный Севастопольский порт. В следующем году был окончательно утверждён первый штат Черноморского флота, по которому положено было иметь 12 линейных кораблей, 20 больших фрегатов и 23 мелких судна с общим числом 13 500 человек команды.

Большое число кораблей требовало и соответствующего личного состава, в связи с чем в середине 1783 г. из Петербурга в Херсон прибыли первые морские команды для семи кораблей и фрегатов. В числе многих офицеров, переведённых тогда из Балтийского флота на юг, был и Ушаков. Адмиралтейств-коллегия распорядилась для нужд кораблестроения высылать рабочих из внутренних губерний, строительный материал из Белоруссии, Польши, Воронежа; железо с сибирских заводов доставлялось через Таганрог. Строительство шло успешно, но как раз к приезду Ушакова совсем было приостановилось.

Ушаков с новыми пополнениями прибыл в Херсон в очень трудное время. В Херсоне и его окрестностях свирепствовала чума, занесённая из Крыма. Чтобы приостановить распространение губительной заразы, повсюду жгли кучи навоза, в дыму которого окуривались люди. Но это едва ли помогало, эпидемия усиливалась, больные и умершие насчитывались многими сотнями. Создалось такое положение, что кораблестроению грозил неминуемый срыв.

В этой-то трудной обстановке Ушаков и проявил свои незаурядные организаторские способности. Немедленно же по приезде в Херсон он энергично приступил к борьбе с эпидемией. Начал он с того, что прежде всего разместил команду своего будущего корабля отдельным лагерем в палатках, в степи. Затем принял самые решительные меры для отделения больных от здоровых. С этой целью в стороне от лагеря был устроен небольшой лазарет и одиночные карантинные палатки. Заболевшего немедленно отправляли в лазарет, всех живших с ним в одной палатке или близко общавшихся с ним — в карантинные палатки, а их палатку, бельё и прочее сжигали. Ушаков строго следил и за соблюдением санитарных условий: матросы мылись как можно чаще, стирали бельё, проветривали и окуривали его вместе с верхним платьем. Чтобы избежать занесения заразы со стороны, Ушаков не допускал в лагерь никого из посторонних. Свои люди, возвращавшиеся с работ, должны были точно указать, где и сколько времени они провели и в чём состояли их занятия. Трудно было в тогдашних условиях сделать больше, да этого и не потребовалось: благодаря решительным мероприятиям Ушакова страшная эпидемия не получила распространения в его команде и очень быстро прекратилась.

Деятельность Ушакова, инициатива которого ставилась в пример другим командирам, была особо отмечена и вознаграждена. За «ревностную и успешную борьбу с чумной заразой» он, по ходатайству президента Адмиралтейств-коллегии Чернышёва, получил незадолго перед тем учреждённый орден Владимира 4-й степени и сверх этого письменную благодарность от коллегии.

Тогда же Ушаков был произведён в капитаны 1-го ранга. Такое быстрое производство (через два года после производства в предыдущий чин) свидетельствует о том, что Ушаков был на очень хорошем счету у высшего начальства. В том же 1784 г. он получил в командование только что спущенный на воду 66-пушечный корабль «Св. Павел», на котором он крейсировал летом в составе эскадры капитана 1-го ранга Войновича.

1785 год является важной датой в биографии Ушакова. В этом году Потёмкин, уже оценивший по заслугам Ушакова, поручил ему совместно с Войновичем устройство новосоздаваемого флота и обучение его личного состава.

Что касается Ушакова, то лучшего выбора не могло и быть. Офицеры и матросы, прошедшие «ушаковскую школу», смело могли поспорить с английскими моряками, считавшимися тогда лучшими в мире. Ушаков придавал огромное значение планомерному, методическому обучению рядового состава. По его требованию, выполнение которого постоянно им проверялось, новичков сначала знакомили с корабельным уставом и со всеми основами корабельной службы.

«Рекомендую командующим, — писал в своих наставлениях Ушаков, — приучать служителей [т. е. матросов] к скорым беганьям по снастям при креплении и отдаче парусов, также для моциону через салинг; отдачу и прибавку парусов делать с отменной скоростью, поднимать и опускать их, осаживать шкоты и галсы¹ за один раз и сие повторять многократно до тех пор, пока люди совершенно приучены будут».

Таким способом новобранцы знакомились с необходимыми в корабельном обиходе приёмами, требующими сноровки, предусмотрительности и ловкости. По мере подготовленности новичков переводили на шлюпочные учения, где они приучались ставить рангоут², грести, ставить паруса, менять галс и пр. В обстановке суровой, но разумной требовательности «школы Ушакова» молодые моряки, одинаково и командного и рядового состава, приобретали расторопность, морскую сноровку, привыкали к должной дисциплине, необходимой в военном быту.

Внимательно следя за повышением практических знаний, Ушаков требовал и от офицеров точности и быстроты действий. Приучая всех своих подчинённых «к скорому и красивому управлению всякого дела», Ушаков стремился, чтобы его исполняли «разом, словом сказать, мгновенно, а не промедлительно». Большое значение придавал Ушаков дисциплине, без которой, как он говорил, «обойтись никак нельзя и никакой пользы в делах быть не может». Но требуемая им дисциплина в отношении матросов не имела ничего общего с муштрой, превращавшей человека в автомат. Матросы Ушакова сознательно относились к своему служебному долгу, к тому делу защиты родины, к которому они были призваны. Ушаков умел добиться от каждого моряка, будь то матрос или командир корабля, точного знания

¹ Галс — курс судна относительно ветра.

² Рангоут — в совокупности название мачт, рей и пр.

своих обязанностей и умения исполнять их в любых условиях. Лучшей школой для личного состава, лучшей его подготовкой, целью которой было достижение наиболее высокого боевого уровня кораблей и команды, Ушаков считал плавание.

Летом 1787 г. Екатерина предприняла путешествие на юг для обозрения Новороссии и Крыма.

22 мая 1787 г. на Севастопольском рейде был устроен смотр новорождённого флота, состоявшего из 3 линейных кораблей, 3 бомбардирских кораблей, 12 фрегатов, 2 брандеров и 26 судов 2- и 3-мачтовых, пришедших из Архипелага. Екатерина осталась очень довольна состоянием Черноморского флота.

После смотра последовали награды, повышения в «рангах». Потёмкин получил титул Таврического «за подвиги, которыми совершено присоединение Тавриды к Российской империи»; Войнович был произведён в контр-адмиралы; Ушаков, лично представлявший императрице, получил чин капитана бригадирского ранга.

4. ВТОРАЯ РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1787—1791 гг. «ГЕНЕРАЛЬНАЯ БАТАЛИЯ»

Получив в результате войны 1768—1774 гг. выход в Чёрное море и присоединив Крым, русское правительство должно было принять меры к тому, чтобы обезопасить свои новые приобретения и закрепить их за собой. Обе стороны отчётливо представляли себе, что дальнейшая борьба неизбежна, так как Турция не могла примириться с условиями Кучук-Кайнарджийского мира и потерей Крыма.

Начатая русским правительством усиленная работа по укреплению Крыма и Черноморского побережья, строительство флота и сооружение крепостей ускорили войну с Турцией. В 1787 г. Турция объявила войну России.

Войну России пришлось вести в очень трудной обстановке, так как вскоре она была вовлечена в войну и на севере, против Швеции.

В 1788 г., воспользовавшись уходом русской армии на борьбу с Турцией, Швеция сделала попытку отнять у России побережье Балтийского моря. Однако все попытки шведов прорваться к Петербургу потерпели полную неудачу, и в 1790 г. война закончилась заключением мира, по которому оба государства сохранили прежние границы.

Вторая война с Турцией фактически началась 21 августа 1787 г. неожиданным нападением эскадры противника на наш фрегат «Скорый» и бот «Битюг», стоявшие на брандвахте в

Днепровском лимане, около Кинбурна, принадлежавшего России. В этот момент русские морские силы на Чёрном море были разделены между двумя базами: Севастополем, где находилась эскадра Войновича, и Днепровским лиманом — местом стоянки эскадры контр-адмирала Мордвинова, начальника Черноморского флота и портов. Сверх этого несколько больших судов спешно достраивались на херсонской верфи.

План Турции, сосредоточившей свою эскадру у крепости Очаков, в основном сводился к тому, чтобы, загородив выход из лимана, не допустить соединения наших эскадр и таким образом разбить Черноморский флот по частям. Далее, султанскому флоту было предназначено произвести нападение на Херсон, уничтожить там военно-морскую базу и, овладев морем, захватить Крым при помощи большого десанта. Привести в исполнение этот широкий план должен был капудан-паша (командующий флотом) Эски-Гассан, титуловавшийся Эль-Гази; это был самый почётный, равный императорскому, титул, дававшийся только знаменитым полководцам.

Командование русскими сухопутными силами было поручено фельдмаршалу Румянцеву и Потёмкину. Недостаточная подготовленность к войне, медлительность Австрии, ненадёжного союзника России, наконец то обстоятельство, что Румянцев и Потёмкин имели различные планы действий, привели к тому, что вначале сухопутным армиям было предписано только охранять наши южные пределы, флоту же, напротив, предстояло действовать наступательно.

Потёмкин, крайне беспокоясь за участь Крыма, наиболее уязвимого места наших черноморских владений, писал Войновичу ещё в самом начале войны следующее: «Подтверждаю вам собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчинённых ваших... Где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя б всем пропасть».

Письмо датировано 24 августа, а неделю спустя Войнович, наскоро изготовив все крупные суда своей эскадры (3 корабля и 7 фрегатов), вышел в море на поиски неприятеля по направлению к турецким берегам. Авангардным отрядом эскадры командовал Ушаков. Крейсерство было до крайности неудачное. Страшный шторм, жестоко потрепав эскадру около мыса Калиакрия¹, рассеял её. Флагманский корабль «Слава Екатерины» потерял три мачты, фрегат «Крым» пропал без вести со всем экипажем, корабль «Мария Магдалина» без мачт и руля,

¹ *Калиакрия* — маяк и селение на берегу Болгарии, принадлежавшей тогда Турции.

занесённый в Босфор, был взят в плен турками, «Св. Павел», на котором был Ушаков, несколько дней носился по морю и едва не погиб. Все остальные суда эскадры тоже были сильно повреждены. Эскадра Войновича с трудом вернулась в Севастополь, не встретив неприятеля¹.

Не могло быть и речи о нападении на турецкий флот впредь до приведения в порядок наших судов, и Потёмкин пришёл в отчаяние, как это явствует из его письма к Екатерине.

«Матушка государыня! Я стал несчастлив, — писал Потёмкин императрице, — при всех мерах возможных, мною предпринимаемых, всё идёт наыворот. Флот севастопольский разбит бурей; остаток его в Севастополе, корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьёт, а не турки. Я при моей болезни поражён до крайности; нет ни ума, ни духу».

Опасения Потёмкина за Крым, однако, не оправдались. Эски-Гассан, несмотря на всю свою опытность, пропустил нужный момент. Пользуясь ослаблением севастопольского флота, он направил свой удар на Херсон. В конце августа 1787 г. капудан-паша, подкрепляемый очаковским гарнизоном, предпринял штурм Кинбурнской крепости, но благодаря совместным действиям Суворова и лиманской эскадры всякий раз терпел неудачу. В начале ноября турецкий флот покинул Очаковский рейд. Зима приостановила военные действия до следующей весны. Стратегической задачей русской армии в кампанию 1788 г. было взятие сильно укреплённого Очакова. Являясь главной базой турецкого линейного флота, Очаков закрывал выход русским кораблям из днепро-бугского лимана в море и преграждал русской армии путь по побережью к Дунаю.

С июня 1788 г. у Очакова начались морские сражения, в которых многочисленный турецкий флот громил с берега наши батареи, устроенные Суворовым на Кинбурнской косе. В течение июня произошло четыре морских боя, но все попытки капудан-паши форсировать лиман и захватить Херсон остались бесплодными. 18 июня, потеряв 11 судов и около 8 тысяч убитыми и ранеными, турецкий парусный флот ушёл в море, а его большая гребная флотилия, прижатая к Очакову, была уничтожена 1 июля.

Несмотря на это, флот капудан-паши всё ещё представлял немалую силу. Получив новые подкрепления, он мог возобновить свои действия против лимана или высадить десант в Крым, а потому Потёмкин настойчиво требовал от Войновича как

¹ Встречу с противником имел только крейсер «Лёгкий», несмотря на повреждение потопивший турецкое судно и доставивший снятых с него людей в Севастополь.

можно скорее выйти в море. Но медлительный и нерешительный Войнович исполнил это требование с запозданием.

Турецкий адмирал после ряда неудач под Очаковым ушёл к Босфору и получил там очень сильные подкрепления. Оставив на этот раз мысль о нападении на Херсон, Эски-Гассан сам вышел на поиски русской эскадры, полагая, что в открытом море все преимущества будут на его стороне. Противники встретились на рассвете 3 июля 1788 г. около острова Фидониси, где и произошло сражение, в котором Ушаков ярко проявил свои выдающиеся дарования флотоводца.

Ушаков обладал исключительным талантом флотоводца, поражавшим современников оригинальностью и новизной тактических приёмов и всегда отвечавшим требованиям момента. Тактические приёмы ведения морского боя, перенятые в то время у англичан, страдали шаблонностью и рутинной. Всё искусство тогдашних флотоводцев по существу сводилось к достижению двух целей: выигрышу ветра и расположению своих кораблей таким образом, чтобы против каждого неприятельского корабля действовал определённый корабль своей линии. Бой вёлся в линии, откуда и произошло название «линейный корабль». Эскадренный бой преимущественно состоял в «артиллерийской дуэли» двух флотов, двигавшихся в кильватерных колоннах параллельно друг другу на определённом расстоянии. В результате таких приёмов морские сражения из-за связанности действий отдельных командиров в конечном счёте отличались обычно нерешительностью.

Но Ушаков, подобно Суворову на суше, был новатором в деле морского боя. Для него не прошли даром уроки первой войны с Турцией. Ушаков на основании опыта осулил шаблонные приёмы боя и совершенно отказался от них. Все бои Ушакова характеризуются стремлением сосредоточить свои силы в решительном месте и в первые же моменты боевого столкновения. Точно так же поступали великие полководцы Суворов и Наполеон. Ушаков, сумевший преодолеть рутину старых приёмов, выработал свои тактические приёмы. К числу их принадлежал, например, сокрушительный удар по флагманским кораблям противника, что имело особое значение в сражениях с турками: турки дежались стойко лишь до тех пор, пока держались их адмиралы. При глубоком понимании общих основ ведения войны Ушаков применял свои способы атаки, собразуясь с общей обстановкой и свойствами противника. Возможность проявить свой талант в полной мере Ушаков получил несколько позднее, когда достиг самостоятельного командования; в настоящем же случае его в значительной мере связывал нерешитель-

тельный Войнович. Однако, несмотря на это, уже в сражении при Фидониси чётко выявились новые методы Ушакова и его блестящие качества флотоводца.

Турецкий флот при Фидониси в два с половиной раза превосходил числом кораблей и артиллерией севастопольскую эскадру. Такое неравенство сил, очевидно, сильно обескураживало Войновича. Но если сам Войнович был смущён, то дух на севастопольской эскадре был превосходный: её команды действительно рвались в бой.

Эскадра Войновича, состоящая из 12 крупных и 24 мелких судов, шла параллельным с противником курсом и сперва заняла выжидательное положение, чтобы выяснить способ нападения турок. Вскоре было установлено, что капудан-паша намерен, окружив нашу эскадру, атаковать её авангард, шедший под командой Ушакова. Как только это выяснилось, Ушаков немедленно же приказал передним фрегатам, выйдя вперёд, обойти авангард турецкого флота, чтобы поставить его в два огня. Благодаря этому план окружения нашей эскадры, задуманный капудан-пашой, не удался, ибо противник сам был принуждён придержаться к ветру, чтобы не дать себя обойти. Флоты сблизились, начался бой, руководство которым само собой всецело перешло к Ушакову.

Нисколько не заботясь о сохранении точного строя, Ушаков, выждав, когда турецкий флот опять двинется на него, бросился на врага, имея против каждого своего судна по три-четыре корабля противника. Сражение разгоралось по всей линии. Русские команды, прошедшие ушаковскую школу, были превосходно обучены; получив строгое приказание стрелять только прицельно, они разряжали свои борты с необычайным искусством. Таким образом, неравенство в численности с лихвой компенсировалось силой огня русских кораблей и его меткостью.

Смелые и удачные действия русского авангарда, за которым следовал остальной флот, предрешили исход сражения. Турецкие корабли, сильно пострадав от огня, один за другим поворачивали на другой галс и выходили за линию. Тщетно капудан-паша осыпал ядрами отступающих, требовал их возвращения на свои места—это внесло в неприятельскую линию ещё большее расстройство. Воодушевление русских моряков и сила огня русских кораблей дошли до крайних пределов. В этот-то момент Ушаков вступил в бой непосредственно с адмиральским кораблём. После упорного сопротивления корабль Эски-Гассана с повреждённой бизань-мачтой и рулём тоже вышел из линии и этим как бы подал сигнал к общему бегству. Победа была полная.

Вот что сам Ушаков, как всегда скромный, писал по этому поводу: «По продолжении пяти часов жестокого боя неприятель весьма разбит; три корабля и многие другие защитой всего их флота едва спасены от наших рук и никак бы увести их не могли, да и прочие подверглись бы неминуемому разбитию от нашего флота, если бы не укрыла их из нашего виду темнота ночная, при которой все они спаслись бегством, но не знаю, куды путь свой взяли: в Синоп или к Румельским берегам¹. Наш урон невелик: убитых разных чинов 29 и раненых 68 человек, а на неприятельском флоте урону должно быть чрезвычайному».

Но эта первая одержанная Ушаковым блестящая победа — по его выражению, «генеральная баталия» — принесла вместе с тем большие неприятности победителю.

Действия передовых фрегатов заслужили полное одобрение Ушакова, и в своём рапорте Войновичу он просил представить трёх офицеров к награждению орденом Георгия. Просил он также наград и для офицеров и матросов своего корабля «Св. Павел», потому что, писал он: «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей; они стреляли в неприятельские корабли не часто и с такою сноровкою, что казалось, каждый учится стрелять по цели... Прошу наградить команду, ибо всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи; равно и в прошедшую кампанию одна только их ко мне доверенность спасла мой корабль от потопы, когда штормом носило его по морю...»

В этом рапорте весьма показательно то, что Ушаков не только не приписывал успеха сражения лично себе, но, объясняя его мужественным поведением своих подчинённых, ни слова не сказал о своих действительных заслугах.

Тотчас же после сражения Войнович писал Ушакову: «Поздравляю тебя, батюшка Фёдор Фёдорович; сего числа поступил весьма храбро; дал ты Капитану Паше порядочный ужин. Мне всё видно было».

Это, однако, не помешало ему теперь ответить Ушакову дерзким письмом. Все обстоятельства боя, так объективно изложенные Ушаковым, ясно говорили о том, кто именно являлся виновником выигранной «баталии». Но Войнович, страх которого перед грозным капудан-пашой уже прошёл, желал приписать всю честь славной победы себе и в этом смысле составил своё донесение Потёмкину. Больше того, извратив в реляции действительный ход боя, он не представил указанных Ушаковым лиц к наградам и обошёл молчанием самого Ушакова.

¹ Румелия — южная часть Болгарии, входившей тогда в состав Турецкой империи.

Возмущённый Ушаков в свою очередь подал главнокомандующему рапорт с приложением нескольких записок Войновича. Этот материал достаточно освещал истинное положение дел и враждебное отношение Войновича к Ушакову. «С начала нашего знакомства, — заявлял в своём донесении от 11 июля 1788 г. Ушаков, — когда были ещё полковниками и оба под командою других, восчувствовал он (Войнович. — В. С.) некоторую отменную ко мне ненависть; все дела, за которые я иногда был похвален, не знаю причины отчего, отменно его беспокоят». Ушаков, в правдивости которого, конечно, не приходится сомневаться, указывал дальше на то, что Войнович свою реляцию о сражении «составил по собственным своим мыслям, не соображаясь с рапортами начальников эскадр», что он, будучи недоволен его, Ушакова, рапортом, преуменьшил действительное число неприятельских кораблей, принимавших участие в сражении, скрыл замечательные действия наших передовых судов и «реляциею своею, — продолжал Ушаков, — хотел отнять у нас честь и славу, которую отменным случаем заслужили. Вот, ваша светлость, вся важная причина и величайшая моя вина, если она так почтена быть может». В заключение Ушаков просил, как особой милости, увольнения от службы с пенсионом в размере полного жалованья, ибо он «пенсию кампаниями уже вдвое заслужил».

Но Потёмкин умел разбираться в делах и людях. Ответом на донесение Ушакова было отклонение его просьбы об отставке и награждение орденом Владимира 3-й степени. В своём донесении императрице о сражении при Фидониси Потёмкин назвал Ушакова «достойным, храбрым и искусным начальником».

Что касается Войновича, то, видя его малоспособность, неисполнительность и другие сомнительные качества, Потёмкин вскоре же убрал его из Севастополя и перевёл в Херсон на место Мордвинова, отпущенного под каким-то благовидным предлогом в продолжительный отпуск. Начальником же севастопольского корабельного флота Потёмкин в 1790 г. назначил Ушакова, произведённого в этом году в контр-адмиралы.

Первая «генеральная баталия» на Чёрном море, выигранная Ушаковым, имела большое значение.

После победы Ушакова при Фидониси турецкий флот на Чёрном море уже не имел неоспоримого господства, и Крым не подвергался теперь непосредственной опасности от высадки турецкого десанта.

Кампания закончилась взятием в декабре Очакова. Таким образом, главная цель кампании 1788 г. была достигнута.

5. КЕРЧЬ, ТЕНДРА, КАЛИАКРИЯ

Война, которую России с 1788 г. пришлось вести на два фронта, затягивалась.

Кампания 1789 г. прошла без столкновений на море, несмотря на горячее желание Порты как можно скорее взять обратно Очаков. Эта мощная крепость имела огромное стратегическое значение: обладание ею открывало дорогу для дальнейшего продвижения русской армии по берегам Чёрного моря. Воспрепятствовать этому турецкий флот не мог, так как был настолько потрепан Ушаковым при Фидониси, что на приведение его в боевую готовность требовался немалый срок. Встретиться же без должной подготовки с «Ушак-пашой», как прозвали турки Ушакова, моряки султана не решались. К тому же существовала ещё и другая причина, препятствовавшая тогда энергичным действиям Турции на Чёрном море: хотя русской эскадре и не пришлось на этот раз действовать в Средиземном море, но зато там удалось организовать широкие корсарские операции. Отряды греческих и славянских моряков, снабжаемые русским правительством средствами борьбы и деньгами, образовали две сильные корсарские эскадры. Все суда носили русский военный флаг, их команды числились на русской службе, получали соответствующие чины и жалованье. На этих смелых моряков, страстно мечтавших о свержении турецкого ига, была возложена задача уничтожить морскую торговлю Турции и мешать подвозу продовольствия в Константинополь. В марте 1789 г. обе эскадры уже появились у входа в Дарданеллы и приступили к намеченным действиям. Их быстроходные суда, появляясь повсюду, где только можно было нанести ущерб морской торговле Турции, уничтожали торговые суда, разоряли порты. Корсары не избегали столкновений и с посылаемыми для их поимки военными отрядами, зачастую нанося поражение значительно сильнейшему противнику.

В связи с этим Порта принуждена была посылать для охраны своих средиземноморских берегов и островов значительные отряды судов, чем достигалось ослабление турецких сил на Чёрном море.

По-другому сложилась обстановка на сухопутном театре войны. В июле Суворов разбил турок при Фокшанах, а в сентябре одержал знаменитую победу при Рымнике, за которую получил титул графа Рымникского. В том же месяце был взят де-Рибасом Гаджибей, затем Потёмкин занял Кишинёв, Аккерман, а в ноябре были заняты Бендеры. Таким образом, рус-

ская армия, завладев почти всей Бессарабией, немного не дошла до Дуная и до его считавшейся неприступной крепости Измаил.

Кампания 1790 г. носила уже иной характер. Она отмечена энергичными и победоносными действиями нашего флота, во главе которого теперь стоял Ушаков. В марте 1790 г. Потёмкин отправил бездарного Войновича командовать Каспийской флотилией и одновременно, идя навстречу общему желанию, назначил Ушакова главным начальником Черноморского флота. Потёмкин предоставил Ушакову полную свободу действий, и это давало последнему возможность применить в широких масштабах накопленный им боевой опыт.

Немедленно же по назначении на новую должность Ушаков приступил к упорядочению общей подготовки флота. Он начал с тщательного подбора командиров, зарекомендовавших себя своей деятельностью. Теперь их было уже достаточно, и иностранные офицеры в Черноморском флоте почти исчезли. Затем Ушаков приступил к приведению в порядок материальной части флота. За недостатком рабочих рук большую часть работы приходилось выполнять самим морякам. Но это не задерживало работ: влияние Ушакова сказывалось на всём, и недостаток рабочих рук возмещался рвением и горячим соревнованием. Благодаря этому все суда севастопольской эскадры вышли на рейд в полной боевой готовности ещё до наступления мая, после чего началась практика команд во всевозможных экзерцициях (упражнениях).

Всё это было очень своевременно, ибо приближались важные события. Турция деятельно готовилась к наступлению, к решительной экспедиции в Крым. Эски-Гассан был назначен сераскиром (главнокомандующим) турецких армий с непременным условием взять обратно Очаков, командование же флотом доверили молодому Кучук-Гуссейну, товарищу детства и другу султана Селима III. С наступлением весны султанский флот должен был принять в разных местах Малоазийского побережья заранее приготовленные там войска и итти с ними к Анапе с целью высадки.

Потёмкин, вызвав Ушакова в свою ставку в Яссах, поручил ему произвести разведку, чтобы убедиться в наличии на северных берегах Малой Азии десантных войск, а потом разрушить Анапу как промежуточную, очень важную базу неприятельской экспедиции. Взяв проведение этой операции лично на себя и выделив для крейсерства из состава своего флота наиболее сильные и быстроходные фрегаты, с придачей к ним крейсерских корсарских судов, Ушаков в середине мая вышел из Севастополя по направлению к северным берегам Малой Азии.

Русская эскадра состояла из трёх 50-пушечных кораблей, четырёх 44-пушечных, одного «репетичного» (сигнального) и одиннадцати корсарских судов. Флагманским кораблём был корабль «Св. Александр Невский».

Русские корабли обошли вдоль всего Малоазийского побережья. Наводя повсюду панику, они уничтожали во множестве торговые суда противника. Сам Ушаков с главным отрядом неожиданно появлялся в различных местах, нападая на укрепленные пункты, захватывая транспорты с продовольствием, бомбардируя порты и снимая планы турецких крепостей. Особенно болезненной для Турции была бомбардировка Синопа¹, под стенами которого в бухте укрылся турецкий флот, понёсший тогда очень большой урон от меткого огня русских артиллеристов.

Не встречая более никаких отрядов вражеского флота, Ушаков от Малоазийского побережья пошёл к Анапе, которую жестоко разгромил орудийным огнём. Таким образом, Ушаков совершенно дезорганизовал оборону турецких берегов, расстроил тыловые коммуникации неприятеля, уничтожив вместе с тем много судов и портовых укреплений. После трёхнедельного плавания эскадра в первых числах мая вернулась с призами в свою базу.

В рапорте Потёмкину Ушаков доносил, что крейсерская эскадра обошла всю восточную сторону Анатолии и берега Абхазии от Синопа до Анапы, по его образному выражению, «господствуя сильной рукой при оных».

«Это был, — говорит Н. В. Новиков, — первый поход флота, образцово выполненный по правильно составленному плану, в основу которого была положена ясная военная мысль — проверить полученные секретные сведения о намерениях Турции на месте и уничтожить всё, что могло бы содействовать успешному выполнению замысла противника»².

Крейсерство Ушакова заставило султанский флот спешно закончить все приготовления и выйти в море для защиты своих берегов и осуществления задуманной экспедиции в Крым. В конце июня турецкий флот уже появился у кавказских берегов, откуда прошёл к Керченскому проливу. Ушаков, заранее приняв надлежащие меры, занял выжидательное положение у мыса Таклы на крымском берегу Керченского пролива. В своём

¹ Турецкий город и порт на южном берегу Чёрного моря. Здесь в 1853 г. Нахимов одержал блестящую победу над турецким флотом.

² Н. В. Новиков, Создание флота на Чёрном море, «История русской армии и флота», т. VIII, стр. 107.

распоряжении Ушаков имел 5 кораблей, 10 фрегатов и 17 мелких судов.

8 июля, как только флот Кучук-Гуссейна, в два раза превосходивший наш, показался на горизонте, эскадра Ушакова снялась с якоря и, выстроившись в линию баталии, пошла на сближение. Капудан-паша, спускавшийся полным ветром¹ со стороны Бугаза, намеревался направить свой удар на русский авангард, для чего и отрядил свои наиболее сильные корабли. Но атака не удалась благодаря искусным действиям бригадира Голенкина, приведшего турецкие суда в сильное замешательство. На помощь им Кучук-Гуссейн двинул другие корабли. Тогда Ушаков, выделив свои более слабые фрегаты из линии на фланги, чтобы отвлечь на них внимание противника и тем разделить его силы, плотнее сомкнул корабли кордебаталии² и поспешил на поддержку своего авангарда. Завязался горячий бой.

Русские суда, сократив дистанцию до минимума, буквально засыпали неприятеля картечью. Превосходство русской артиллерии, образцово поставленной Ушаковым, быстро сказалось. Сосредоточенный прицельный огонь картечи рвал паруса и снасти, засыпал вражеские палубы обломками мачт и рей.

Противник вторично был приведён в смятение. Ушаков же, выйдя с ближайшими кораблями из линии, устремился на адмиральский корабль, чтобы взять его на abordаж. Но турецкие корабли, не выдержав нашего огня, уже начали спускаться под ветер³.

Вскоре неприятеля охватила настоящая паника, и бегство сделалось общим, несмотря на энергичную попытку капудан-паши удержать бегущих. Видя это, Ушаков поднял сигнал: «Вступать по способности в кильватер адмиралу и поставить все паруса». Началась погоня за турецкими судами, спешившими уйти из-под огня русской эскадры. Однако нагнать султанский флот и совершенно истребить его Ушакову всё же не удалось: более быстроходные турецкие суда оставили за собой пашу эскадру, и к 6 часам вечера затихли раскаты последних выстрелов.

Таким образом, благодаря новой победе Ушакова попытка Кучук-Гуссейна высадиться на берегах Крыма потерпела полный крах.

¹ Спускаться полным ветром — итти на всех парусах.

² Кордебаталия — средняя часть флота, построенного в одну линию; когда флот строился в три колонны, то кордебаталней называлась средняя колонна; часто термин кордебаталия заменялся словом центр.

³ Спускаться под ветер — итти попутным ветром.

Тем временем Потёмкин деятельно готовился к дальнейшему наступлению на суше, целью которого являлось взятие Измаила. Лиманская эскадра должна была обеспечить действие левого фланга нашей армии, на севастопольский же флот возлагалась задача поддерживать эти комбинированные операции и препятствовать попыткам неприятеля произвести высадку десанта где-либо в русском тылу.

Флот султана, оправившись от поражения, уже крейсировал в значительно усиленном составе между Аккерманом и Гендрой. Кучук-Гуссейн, которому в советники дали старого моряка Сеид-бея, повидимому, намеревался преградить лиманской флотилии путь к Дунаю. Ушаков полагал, что наступил самый подходящий момент дать туркам генеральное сражение. Но Потёмкин медлил: он не хотел прерывать переговоры с визирем, склонявшимся к заключению перемирия. Переговоры, во время которых закончились последние приготовления нашей армии и лиманской флотилии, затянулись до конца августа. С прекращением их севастопольский флот 25 августа вышел в море. По плану операций, лиманская флотилия должна была перейти на Дунай с целью оказать там поддержку сухопутным войскам. Но турецкий флот, расположившийся между Гаджибеем и Гендрой, запирает выход судам флотилии.

Ушакову было приказано Потёмкиным отогнать или разбить турецкий флот.

28 августа Ушаков появился перед неприятелем, спокойно стоявшим на якоре. На турецких кораблях, не ожидавших столь внезапного нападения, поднялась страшная суматоха: турки стали рубить якорные канаты и, в беспорядке поднимая паруса, старались уйти к Дунаю.

Ушаков, не теряя времени на построение флота в боевой порядок, приказал поставить все паруса и двинуться на противника. Он хотел отрезать отставшие суда турецкого флота, и это заставило капудан-пашу с ближайшими кораблями повернуть назад и выстроить свою линию баталии на обратный курс. Таким образом, русский флотоводец заставил противника принять бой в невыгодной для последнего обстановке. Теперь, когда уже не было опасности, что турки могут уйти, Ушаков построил свои суда в боевой порядок и, подойдя к неприятелю на картечный выстрел, стремительно напал на него.

Основной удар был направлен на головные корабли противника, на которых находились турецкие адмиралы. После часового боя флот противника пришёл в замешательство, а когда Ушаков ввёл в сражение резервные фрегаты, линия турецких судов окончательно расстроилась. Авангард противника, а за

ним и вся его эскадра, спешно поворачивая под ветер, уходила к Дунаю. Только ночь прекратила преследование бегущего противника.

С наступлением утра Ушаков возобновил преследование неприятельского флота. Семь кораблей, в том числе вице-адмиральный корабль «Капудание», находившийся под командой Сеид-бея, сдались. Сеид-бей с 18 офицерами после упорного сопротивления был взят в плен; его корабль, в который вскоре после этого попал брандскугель (зажигательный снаряд), взлетел на воздух, и большая часть команды погибла. 66-пушечный корабль «Мелеки-Бахри» («Владыка морей») сдался без сопротивления с экипажем в 560 человек. Один 77-пушечный корабль затонул, не дойдя до Варны. В сражении при Тендре турки потеряли свыше 2 тысяч человек; потери русских исчислялись 21 убитым и 25 ранеными.

Такая опромная разница в потерях объясняется, с одной стороны, исключительной смелостью и решительностью атак русских кораблей, с другой — меткостью их орудийной стрельбы. Открывая огонь, Ушаков спешил сблизиться с противником. «Дистанция ружейного, даже пистолетного выстрела — и в карточь!» — таков был обычный приём Ушакова, неизменно приводивший в замешательство противника, который начинал беспорядочный огонь без надлежащей наводки и выдержки, а потом, страшась абордажного боя, отступал.

Победа при Тендре парализовала активность неприятельского флота, который не мог уже больше мешать продвижению сухопутных войск к Дунаю. Только теперь план координированных операций армии и флотилии, разработанный Потёмкиным, мог быть приведён в исполнение.

Потёмкин был в восторге от действий Ушакова. «Наши, благодаря богу, — писал он 29 августа Фалееву¹, — такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Фёдору Фёдоровичу!»

Два дня спустя после сражения при Тендре Ушаков пришёл с флотом в Гаджибей. На следующий день эскадру посетил Потёмкин, горячо благодаривший за одержанную победу всех, от старшего до младшего. Ушаков получил за Тендру редкую награду — орден Георгия 2-й степени.

Какое большое значение придавал сам Потёмкин этой новой победе Ушакова и доблести его соратников, явствует также из приказа главнокомандующего Черноморскому адмиралтейскому

¹ М. Л. Фалеев — строитель города Николаева, основанного Потёмкиным в 1789 г.

правлению. «Знаменитая победа, — писал Потёмкин, — одержанная черноморскими силами под предводительством контр-адмирала Ушакова в 29 день минувшего августа над флотом турецким, который совершенно разбит и рассыпан с потерей своего адмиральского корабля «Капудание», сожжённого, и другого корабля с иными ещё судами, в плен взятого, служит к особенной чести и славе флота Черноморского... Да впишется сие достопамятное происшествие в журналы черноморского адмиралтейского правления ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота черноморского подвигов».

В следующие три месяца военные действия сосредоточились на Дунае. Заключение мира со Швецией улучшило военное положение России. Теперь можно было обратить все силы против Турции. Но Порта всё ещё делала величайшие усилия, чтобы удержаться на Дунае. Стянув сюда значительные войска, она сильно увеличила гарнизоны крепостей Тульчи, Браилова, Килии и в особенности Измаила, в стенах которого помещалась целая армия в 30 тысяч человек.

В середине октября лиманская эскадра вошла под командованием де-Рибаса в Дунай и приступила к очищению реки от неприятеля. На севастопольский флот, стоявший на якоре у дунайских гирл¹, была возложена задача охранять флотилию с моря. Тем временем наши крейсера беспрепятственно вели поиски непосредственно у турецких берегов, нигде не встречая военных судов неприятеля, так как до конца кампании этого года он уже не показывался на море.

В начале ноября, после взятия Тульчи, снабжавшей средствами борьбы крепость Измаил, флотилия де-Рибаса прошла вверх по Дунаю и 18 ноября отрезала Измаил с реки. Начались операции сухопутных войск, поддержанных артиллерией нашей флотилии с Дуная. 11 декабря, после штурма, не имеющего примера в истории, Суворов взял считавшийся неприступным Измаил. В штурме этой крепости приняла участие и флотилия, на кораблях которой находились три колонны (из девяти) штурмующих войск.

Взятие Измаила и победы на море давали России возможность перенести войну во внутренние владения Турции и угрожать её столице. Положение Турции было крайне тяжёлым. И всё же, когда Потёмкин предложил Турции мир, Порта отклонила это предложение в надежде, что международная обстановка изменит её положение. Действительно, к 1791 г. политический горизонт России, несмотря на мир со Швецией

¹ Гирло — разветвление, рукав реки близ её устья.

и победы на юге, сильно омрачился. Падение неприступного Измаила обеспокоило западноевропейские державы. В связи с этим Пруссия двинула свои войска к границам Курляндии, Польша грозила выступлением, флот Англии готовился к походу в Балтийское море. Со своей стороны Турция, рассчитывая победить Ушак-пашу численностью, строила и собирала суда, где только было можно. Французские морские инженеры руководили спешной постройкой крупных боевых судов по последнему слову тогдашней техники. Из подвластных султану африканских владений (Триполи, Тунис, Алжир) для усиления флота были вытребованы тщательно отобранные суда во главе с восемью адмиралами. На многих турецких кораблях находились опытные английские и французские офицеры. Большое значение имели суда, состоявшие под командой алжирского паши Сеид-Али, старого пирата, славившегося своей храбростью. Сеид-Али поклялся султану, что из похода он привезёт с собой в Константинополь самого Ушак-пашу в клетке. Наступал решительный момент. В июне русскими войсками была взята дунайская крепость Браилов, а вслед за этим (28 июня) Репнин разбил у Мачина 80-тысячную турецкую армию под начальством великого визиря Юсуф-паши. В начале июля флот султана в составе 18 кораблей, 17 фрегатов и множества мелких судов вышел из Босфора в Чёрное море.

Ещё 11 мая Потёмкин писал Ушакову: «Считая флот готовым к выходу в море, я сим предписываю вам тотчас выступить по прошествии весенних штормов... Я вам поручаю искать неприятеля где он в Чёрном море случится, и господствовать там так, чтобы наши берега были ему неприкосновенны». Задержанный противными ветрами, Ушаков вышел в море только в самом конце июня, когда Турция потерпела ещё одно сильное поражение на суше, потеряв Анапу, опорный пункт на берегах Кавказа.

Разослав по всем направлениям свои крейсера, Ушаков, согласно приказанию Потёмкина, шёл к берегам Румелии. Флот султана (последний ресурс Турции) был обнаружен 31 июля стоявшим в полном своём составе под прикрытием береговой батареи около мыса Калиакрия.

Был праздник рамазан-байрама¹, и почти все турецкие моряки беспечно проводили время на берегу. Неожиданное появление Ушакова поразило их, как гром среди ясного неба. Капудан-паша был приведён в такое смятение появлением

¹ Праздник у магометан после поста, продолжающегося в течение месяца.

русского флота и уже выигранной им наветренной позицией, что, не успев даже собрать с берега всех своих матросов, приказал рубить канаты и вступить под паруса. Турецким адмиралам с большим трудом удалось выстроить свой флот в линию.

Русский флотоводец, эскадра которого (6 кораблей, 12 фрегатов, 2 бомбардирских судна и 17 мелких судов) была в два раза меньше турецкого флота, направил свои суда между берегом и неприятелем, чтобы оттеснить его в море.

Это был необычайно смелый манёвр, решиться на который Ушаков мог только потому, что твёрдо был уверен в мужестве и умении своих подчинённых. Сам он не раз говорил: «В случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает своё дело». Пройдя под огнём неприятельских батарей, Ушаков обеспечил себе более выгодное положение по отношению к противнику, после чего энергично атаковал турецкий флот.

Сеид-Али попытался было ответить контратакой и вышел на ветер с двумя ближайшими кораблями. Ушаков, угадав намерение турецкого адмирала поставить наш авангард в два огня, дал сигнал своей эскадре: «Атаковать соответствующие неприятельские корабли». Затем сам он на корабле «Рождество христово» ураганом обрушился на корабль Сеид-Али, осыпая его на расстоянии всего лишь полукабельтова¹ картечным залпом всего борта. Проходя под кормой противника, Ушаков дал новый залп, разрушивший корму и сбивший бизань-мачту со всеми парусами. При этом, зная о хвастливом обещании Сеид-Али привести его пленником, Ушаков успел крикнуть ему: «Сеид-бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания». И действительно, корабль противника, весь разбитый, ушёл под ветер и был спасён от нового удара только следовавшими за ним двумя кораблями, которые заслонили его от Ушакова.

Сражение, продолжавшееся с 5 до 8 с половиной часов вечера, было выиграно. Ушаков, выведя из строя главного противника, врезался в середину султанского флота, громя ближайшие суда, линия которых была сбита. Турецкие корабли один за другим быстро теряли строй, сбивались в кучу, которую русская артиллерия поражала без промаха. Отстреливаясь наудачу, турки думали только об одном — как можно скорее уйти из этой свалки. «Наконец флот наш, — писал Ушаков в своём донесении Потёмкину, — всею линией совсем окружил неприятеля и производил с такою отличной живостью жесто-

¹ Кабельтов — мера длины, служащая для измерения в море сравнительно небольших расстояний; длина его равна 185,2 метра.

кий огонь, что, повредя многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил многие корабли укрыться один за другого. При начале же ночной темноты (в 8 часов вечера) флот неприятельский был уже совершенно разбит до крайности и бежал стеснённою кучею под ветер... обратясь к нам кормами; и потому суда наши, сомкнув дистанцию, гнались за ним и непрерывным огнём били его из носовых пушек, а которым было способно, и всеми лагами¹. Особенно разбиты и повреждены были все пашинские (адмиральские. — В. С.) корабли».

Только темнота и наступивший штиль остановили преследование. Турки уходили на буксирах шлюпок. Общие потери неприятеля превысили полторы тысячи человек; потери нашего флота были крайне незначительны — 45 человек убитыми и ранеными.

Новая победа Ушакова произвела большое впечатление не только в Константинополе, но и в Европе.

Поражение флота и слух о том, что Ушаков идёт на Стамбул (Константинополь), ускорили окончание войны. Селим III распорядился немедленно прекратить военные действия и отправил к Потёмкину гонца с просьбой о заключении мира и приостановлении действий нашей армии и флота.

Потёмкин в ответ на донесение Ушакова о сражении при Калиакрии писал ему: «С удовольствием получил я рапорт вашего превосходительства об одержанной... победе, которая, возвышая честь флага российского, служит и к особой славе вашей. Я свидетельствую чрез сие мою благодарность вашему превосходительству, поручаю вам объявить оную и всем соучаствовавшим в знаменитом сем происшествии. Подвиги их не останутся без должного возмездия».

Потёмкин сдержал своё обещание: награды всем участникам «знаменитого происшествия» на самом деле были щедрые. Сам победитель получил 14 октября 1791 г. орден Александра Невского и имение в Тамбовской губернии.

Потёмкин не дождался заключения мира. Он умер 5 октября 1791 г., а 29 октября в Яссах был заключён мирный договор, согласно которому Россия приобрела часть Молдавии между Днестром и Бугом и восстановила во всех пунктах условия Кучук-Кайнарджийского трактата.

Это было достигнуто благодаря героизму простого русского солдата, в исключительном мужестве которого великий Суворов всегда черпал силы и уверенность в своих победах; этому

¹ Лаг — в настоящем случае бок или борт корабля.

же всемерно способствовали русские матросы, выученные и воспитанные Ушаковым.

В непродолжительный срок (1788—1791) Ушаков одержал на Чёрном море четыре блестящие победы. Его действия всегда были победоносны, а между тем ему пришлось выступать далеко не в благоприятных условиях. Военными противниками Ушакова были известные военные деятели Турции второй половины XVIII в. Эски-Гассан и Кучук-Гуссейн, прославленные руководители турецких морских сил. Во вторую русско-турецкую войну флот султана был уже совсем не тот, что в первую, когда Спиридов в Архипелаге почти при каждой встрече с турками уничтожал их суда. Эски-Гассан, обратив внимание на существенные недостатки вверенного ему флота, вызвал в Турцию корабельных строителей из Франции и Швеции. Его преемник Кучук-Гуссейн продолжал начатое преобразование с ещё большей энергией. Необычайной деятельностью оживились при нём верфи в Константинополе, Синопе, на острове Родос. Вскоре французские кораблестроители доставили Порте много больших 80- и 74-пушечных кораблей, построенных по новым, принятым в Тулонском адмиралтействе чертежам. Оборудованный западными инструкторами по-европейски, турецкий флот, всегда значительно превышавший своей численностью русский, без сомнения, являл собой грозную силу. Все начинания Эски-Гассана и Кучук-Гуссейна энергично поддерживал султан Селим III, вступивший на престол в 1789 г. Незаурядный государственный деятель, он был представителем передовых кругов правящего класса феодальной Турции. Ещё во время войны он принял меры к усилению своей армии и флота, в результате чего морские силы Турции достигли того состояния, о котором только что говорилось.

В противоположность этому Ушаков располагал кораблями сравнительно небольшими, наскоро построенными во время войны и преимущественно по старым чертежам, валкими и с недостаточной силы артиллерией вследствие ограниченных средств, которыми располагали недавно основанные адмиралтейства в Херсоне, Николаеве и Севастополе. Русские корабли, не обшитые медью и постоянно обрастающие ракушками и травой, имели более медленный ход, нежели турецкие. Эти корабли не всегда могли нагнать и остановить бегущего неприятеля, несмотря на сильные повреждения у последнего в рангоуте и парусах.

И всё-таки, вопреки всем перечисленным трудностям и осложнениям, высокие качества воспитанного Ушаковым личного состава флота, блестящее искусство командующего, новые

тактические приёмы, боевой опыт, предусмотрительность, смелая решимость в нужный момент, наконец личная отвага дали Ушакову возможность совершенно разгромить на море сильного врага и тем самым способствовать скорейшему заключению победоносного мира.

6. СТРОИТЕЛЬСТВО СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОРТА. ВЫСТУПЛЕНИЕ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ПОХОД

Война кончилась. Русскому флоту было приказано возвратиться в свои порты. Снова наступили годы мирной деятельности Ушакова, протекавшей на Чёрном море, в Севастополе.

Здесь ещё в 1783 г. была устроена временная база для наших кораблей. Первым начальником этого военного поселения был контр-адмирал Мекензи, после его смерти — контр-адмирал Войнович, а с 1790 г. главное начальство над Черноморским флотом принял, как упоминалось выше, Ушаков. В январе следующего года он был назначен руководителем Черноморского адмиралтейского правления. Впрочем, в этом звании Ушаков пробыл недолго. После смерти Потёмкина императрица назначила в 1792 г. председательствующим Черноморского адмиралтейского правления Мордвинова, и, таким образом, Ушаков, за которым было оставлено только командование флотом и управление Севастополем, оказался лицом подначальным.

За время 1790—1791 гг. Ушаков, постоянно отрываемый военными действиями, не мог много сделать для Севастополя. Строительство последнего началось уже по заключении Ясского мира, когда Ушаков с обычной энергией и умением приступил к благоустройству вверенного ему поселения.

В те времена пустынные берега Севастопольского залива были покрыты мелким лесом и кустарником и только бедная татарская деревушка виднелась тогда в самом отдалённом углу одной из бухт. В приезд Екатерины (1787) в Севастополе было около 40 домов, большей частью казённых, казармы для офицеров, пристань и десяток русских и греческих лавочек; в адмиралтействе, расположенном на том же месте, что и нынешнее, находилась небольшая кузница, мачтовый сарай и два небольших магазина. При Ушакове всё это приняло совсем другой вид.

Устройство порта, верфей, доков, набережной, рынков, постройка новых зданий, проведение дорог — всё было предме-

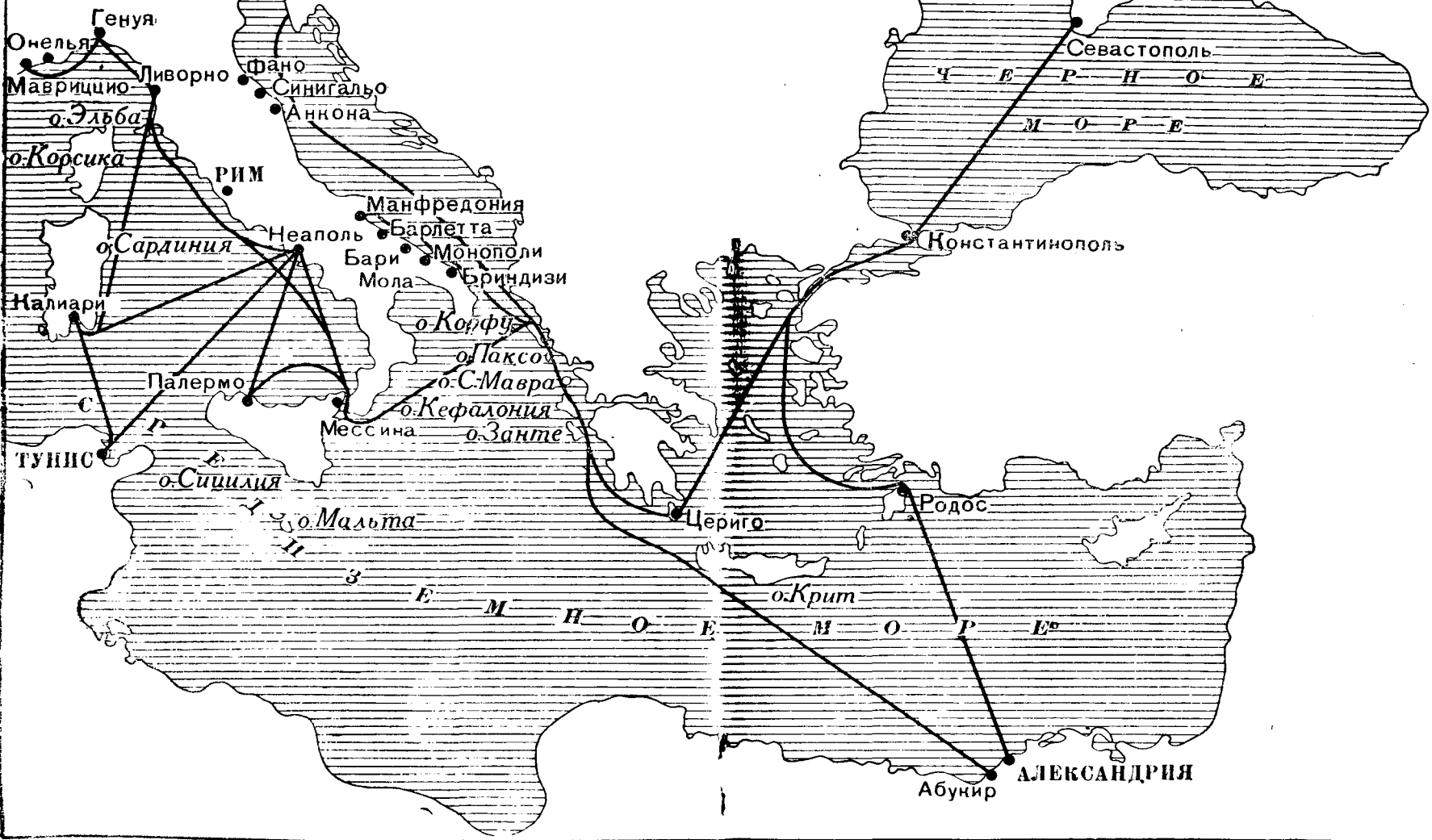
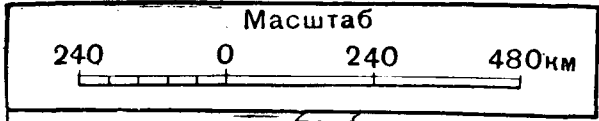

Схема главнейших передвижений эскадры адмирала Ушакова в 1793—1800 гг.

том неусыпных забот грозного победителя турок. Замыслы покойного Потёмкина относительно устройства Новороссии и Крыма, в частности Севастополя, были, как вообще все его планы, очень обширны. После его смерти, при новом руководстве, все планы очень сузились; многие проекты Потёмкина остались неосуществлёнными, но всё-таки Ушаков в пределах возможного, бесспорно, достиг в отношении Севастополя гораздо большего, чем это сумел бы сделать другой на его месте.

За время управления Ушакова в Севастополе было построено обширное адмиралтейство с магазинами и разными мастерскими; берег, около которого стояли на якоре корабли, фрегаты и другие суда, нивелирован (уровнен), так что на нём можно было удобно располагать корабельное имущество и разные запасы; на береговых высотах вокруг гавани были построены каменные, крытые черепицей казармы. Порох хранился в глубоких пещерах, специально вырытых большей частью в Инкермане. На Северном и Южном входных мысах были сооружены две мощные батареи. Был выстроен двухэтажный каменный госпиталь на 300 человек и казармы для больничных служителей. Ушаков постоянно заботился о новоустроенном госпитале, следил за улучшением питания больных. С большим вниманием относился он к санитарному состоянию Севастополя: озаботился устройством колодцев и снабжением города пресной водой, а равно и жизненными припасами. Для удобства жителей Севастополя был устроен перевоз через бухты на вольнонаёмных гребных судах, выделено место для загородных прогулок. Ещё Потёмкин поручил Ушакову раздать, по его усмотрению, вблизи Севастопольского порта флотским штаб-офицерам небольшие участки земли для заведения хуторов с огородами. Теперь это было приведено в исполнение Ушаковым, благодаря чему окрестности тогдашнего Севастополя стали заселяться.

К 1797 г. Севастополь представлял совершенно иную картину по сравнению с тем, чем он был непосредственно после войны. Головачёв, автор книги «История Севастополя», изданной в 1872 г., писал, что «за время управления Ушакова Севастополь гораздо скорее обстроился новыми зданиями, нежели во всё продолжение своего остального существования».

Само собой разумеется, что к делам, касавшимся непосредственно флота, Ушаков относился особенно ревностно. В Севастопольском порту никакого нового строительства судов (если не считать самых мелких) тогда не было. Здесь производилась только починка и исправление кораблей, к чему Ушаков при-

ступил немедленно же по окончании войны. Вникая во все подробности, он постоянно посещал верфи и доки и строго следил за тщательностью ремонта.

Однако деятельность Ушакова в значительной мере тормозилась недостатком средств. На содержание Черноморского флота отпускалось ежегодно 2 112 264 рубля — сумма по тому времени весьма немалая, — но вследствие отсутствия этой суммы или несвоевременного её доставления Севастополь зачастую оставался вовсе без денег. Тогда Ушаков, как это видно из его переписки с Мордвиновым, давал взаимобразно в контору Севастопольского порта из своих личных сбережений или из денег, занятых им на стороне, иногда по несколько тысяч сразу. Делал он это исключительно для того, чтобы не остановилось производство начатых работ, причём деньги, истраченные тогда Ушаковым на казённые надобности, были возвращены ему казной только десять лет спустя.

Память о плодотворной деятельности Ушакова в Севастополе сохранилась в некоторых севастопольских названиях. Так, домик Ушакова на главной улице Севастополя, против Адмиралтейских ворот, впоследствии приобретённый в казну и значительно расширенный, назывался домом Ушакова¹; неподалёку от города одна из лощин, прилегающая к рейду, получила название Ушаковой балки; мыс в Корабельной бухте, где обычно стоял ошвартованный корабль «Св. Павел», которым командовал Ушаков, и где находилась казарма его команды, назывался Павловским.

В 1792 г. Ушаков был вызван в Петербург. Екатерина пожелала увидеть героя, так прославившего на море её царствование, она «встретила в нём, — говорит Р. Скаловский, — человека прямодушного, скромного, мало знакомого с требованиями светской жизни. Строгий адмирал, созданный для моря, вполне носил на себе отпечаток этого призвания и далеко не мог выражаться столь же метко и красноречиво, как заставлять говорить орудия на батареях своих кораблей».

Многие в подобном случае сумели бы использовать свою поездку в столицу, чтобы снискать в дальнейшем «высочайшие милости». Но «строгий адмирал» оставался всё той же «смолёной курткой», какой он был в дни молодости, и ему нечего было делать при дворе. Ушаков скоро покинул Петербург и вернулся в Севастополь, где его ждало Чёрное море и любимое дело. Всё же он не остался без награды: в 1793 г. он получил чин вице-адмирала.

¹ После перехода в казну дом Ушакова служил местом остановки почётных лиц, приезжавших в Севастополь.

В царствование Павла I (1796—1801) Ушакову пришлось испытать большие неприятности по службе в связи с неприязненными отношениями, установившимися с Мордвиновым. Их разногласия, начавшиеся ещё за несколько лет перед тем, в 1798 г. настолько обострились, что однажды Мордвинов в присутствии командиров кораблей позволил себе в каюте корабля «Св. Павел» сделать Ушакову несколько замечаний в самой резкой форме. Служебная субординация удержала тогда Ушакова, по природе вспыльчивого, от возражений. Однако Ушаков счёл необходимым написать Мордвинову и указать, что от подобных действий страдает служба, дисциплина и доверие подчинённых к начальнику.

Зная вообще недоброжелательное к себе отношение Мордвинова, Ушаков не удовольствовался только этим и тогда же (8 мая 1798 г.) открыто обратился с письмом к Павлу, в котором писал: «Ревность и усердие о сохранении интереса вашего императорского величества с некоторого времени подвергли меня гневу и негодованию моего начальника (Мордвинова. — В. С.)... Смерть предпочитаю я легчайшею несоответственному поведению и бесчестному служению; подчинённые усомнятся во мне в доверенности и надежде; военная дисциплина и субординация придут в упадок».

В ответ на это Павел приказал Коллегии войти в подробное рассмотрение жалобы Ушакова. Адмирал, занятый тогда формированием боевой эскадры, на запрос Коллегии ответил, что «объяснений с надлежащими подробностями сделать не имеет времени» и что недоброжелательные поступки Мордвинова без всякого с его, Ушакова, стороны повода он объясняет тем, что «во время предшествовавшей войны, пред двумя старшими пред мною определён был начальствующим по флоту и по Черноморскому Правлению, хотя я в оном назначении никакими происками не участвовал».

Главной причиной недоброжелательного отношения Мордвинова к Ушакову была уверенность, будто Ушаков ещё при Потёмкине способствовал его, Мордвинова, отставке. Необходимо заметить, что помимо Мордвинова Ушаков с течением времени нажил себе достаточно недоброжелателей среди лиц, завидовавших служебным успехам и всё растущей популярности флотоводца из «лапотных дворян». Всяческими происками они старались по возможности вредить Ушакову, правда безуспешно: Ушаков был слишком большой и нужный человек для России, и не так-то просто было «затереть» его и отстранить от флота. Вскоре он был назначен руководителем военно-морского похода в Средиземное море.

Международная обстановка в царствование Павла была крайне напряжённой. С 1792 г. начались громкие победы французских революционных армий, штыками опрокидывавших феодальный строй европейских монархий. Коалиции, выступавшие против Французской республики, одна за другой терпели поражение. Австрия, Пруссия, Англия опасались за свою дальнейшую участь и с надеждой взирали на Россию. Вначале освободительные войны Французской республики не грозили непосредственным интересам России, но со второй половины 90-х годов XVIII в. при Директории войны Республики уже приобретают совершенно иной характер.

«...войны великой французской революции, — писал Ленин, — начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»¹.

С 1796 г. начались победоносные походы генерала Бонапарта, будущего императора Наполеона. Нанеся тяжёлые поражения Австрии, Бонапарт завоевал северную Италию, бывшую под властью австрийцев, Ионические острова и ряд крепостей в Албании, на западном побережье Балканского полуострова. Таким образом, у России на Ближнем Востоке появился грозный противник, с которым Турция легко могла вступить в военный союз, для того чтобы вернуть себе всё утраченное ею на Чёрном море.

Вскоре русское правительство получило секретную информацию, что по соглашению с Портой французский флот будто бы собирается войти в Мраморное море.

Ушакову было приказано, как только он узнает о появлении французской эскадры в Чёрном море, «немедленно, сыскав оную, дать решительное сражение». Казалось, что не сегодня-завтра начнётся война с Францией и Турцией. Но в отношении последней обстановка внезапно и резко изменилась. Выяснилось, что французский флот вместо Мраморного моря высадил около Александрии экспедиционную армию во главе с самим Бонапартом, который быстро завладел Египтом, вассалом Османской империи. Благодаря этому не приходилось опасаться воз-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 181.

возможного союза между Турцией и Францией; напротив, теперь Турция могла стать для России полезным союзником.

Непосредственным поводом к войне явился арест (1797), по приказанию Бонапарта, на острове Занте русского консула, запрещение населению Ионических островов под страхом смертной казни вступать в какие-либо сношения с Россией и в особенности захват в 1798 г. Бонапартом, по пути в Египет, острова Мальта, который находился под особым покровительством Павла I.

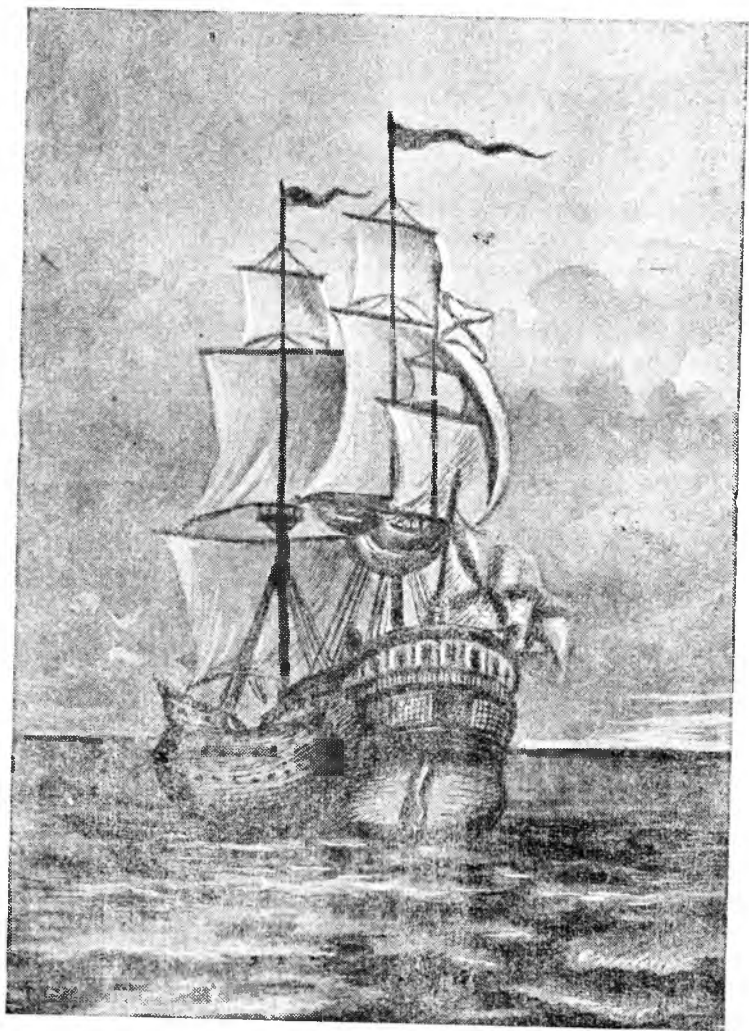
Как только русское правительство узнало о захвате Бонапартом Мальты, Павел приказал Ушакову неотлагательно проследовать с порученной ему эскадрой к Босфору и предложить султану всяческую помощь русского флота, где бы Турция этого ни пожелала.

13 августа Ушаков вышел из Севастополя в море по направлению к Константинополю, предварительно выслав туда своего представителя с предложением о союзе. Под начальством Ушакова, поднявшего свой флаг на корабле «Св. Павел», состояли 6 кораблей, 8 фрегатов и 3 брига с 746 орудиями и 7 132 человек команды, в том числе 1 500 солдат. Силы эти по сравнению с предстоявшей им задачей были незначительны. Но «люди и матросы были отборные, корпус офицеров отличнейший; все они не один уже раз бывали в деле, а большая часть из них воспитана и обучена, можно сказать, была самим адмиралом»¹, — рассказывает по этому поводу участник похода капитан-лейтенант Метакса.

Но если личный состав эскадры не оставлял желать ничего лучшего, то корабли были в весьма плачевном состоянии. Вот что по этому поводу говорилось в донесении Ушакова от 5 августа доверенному лицу Павла адмиралу Кушелёву: «Долгом поставляю к сведению вашему донести, что корабли и фрегаты в прошлую войну строились с великой поспешностью, только чтоб поспевали на военное дело, и от такого поспешного построения не так крепки, а часто и многие гнилости уже в членах показываются. Артиллерия на всей эскадре весьма тяжёлая, по сему всегда, когда хожу я на море, стараюсь, для сохранения судов, избегать крепких ветров...»

К этому необходимо добавить, что перед отправлением в продолжительную кампанию эскадра Ушакова провела в крейсёрстве около трёх месяцев, часто подвергалась штормам, вследствие чего снаряжение для долгого плавания имела во многом недостаточное.

¹ «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы», П. 1915, стр. 3.

Флагманский 84-пушечный корабль адмирала Ушакова

Таким образом, материальная часть Черноморского флота попрежнему не соответствовала условиям предстоящих операций. Опять, как и в предыдущие войны, главная надежда возлагалась на личный состав эскадры, на её матросов, офицеров и в особенности на самого флотоводца.

7. ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. БЛОКАДА КОРФУ

23 августа 1798 г. эскадра Ушакова, обменявшись салютами с босфорскими укреплениями, стала на якорь у Буюк-дере¹, при многочисленном стечении народа, покрывшего европейский и азиатский берега пролива. Всё население Константинополя, начиная с самого султана Селима, восторженно встретило русский флот. При съезде русского адмирала на берег ему салютовали с корабля капудан-паши. Порта поспешила официально уведомить Ушакова, что тотчас же по получении от него предложения императора Павла Турция объявила о разрыве сношений с Францией.

Султан наградил Ушакова золотой табакеркой, богато украшенной алмазами, «за скорый приход со флотом», а матросам приказал раздать 2 тысячи турецких червонцев (6 тысяч рублей).

Жители Константинополя всячески стремились выразить своё уважение русскому флотоводцу. Повсюду, где бы он ни появлялся, толпы народа безмолвно расступались перед непобедимым Ушак-пашой и его спутниками; не без затаённого страха взирали турки на того, кто столько раз наносил страшные поражения султанским эскадрам. Вместе с тем Высокая Порта проявила в отношении Ушакова большое доверие и внимание, чем он остался очень доволен.

Оказывая Ушакову полное доверие, султанское правительство не скрывало от него тех или иных недостатков и во всём спрашивало его мнения и совета. Русский адмирал тщательно осмотрел турецкую, отныне союзную, эскадру и дал о ней весьма благоприятный отзыв. «Осматривал я, — доносил Ушаков Павлу, — во всех подробностях 120-пушечный корабль, построенный на манер французских кораблей, в совершенстве, только

¹ Буюк-дере — предместье Константинополя, летняя резиденция султана и послов при султанском дворе.

показался мне в рассуждении длины несколько узок; артиллерия приготовлена для него бесподобно большая и весьма хорошая... Все корабли и фрегаты обшиты медью, и нынешнее состояние их нахожу, хотя не совсем совершенно против европейских флотов, но против прежнего несравненно лучше, а частью и в настоящем порядке».

Напротив, командный состав султанской эскадры оставлял желать много лучшего: офицеры были весьма мало сведущи, а что касается матросов, поступавших на корабли нередко за несколько дней до отправления в море, то они представляли собой настоящий сброд, буйную толпу, которую зачастую трудно было держать в должном повиновении.

Эскадра Ушакова простояла на Босфоре довольно долго. За это время был обсуждён план предстоящих операций в Средиземном море, предложенный адмиралом. По директиве, данной Ушакову, назначение русской эскадры состояло в том, чтобы освободить Ионические острова, захваченные французами, препятствовать французам усиливать свои гарнизоны на албанском берегу и по мере возможности оказать поддержку английской эскадре, под командованием адмирала Нельсона блокировавшей берега Египта.

План операций, предложенный Ушаковым, вполне соответствовал политической и стратегической обстановке того момента. Сравнительная близость района предстоящих операций от баз русско-турецкого флота делала возможным освобождение от оккупации Ионических островов, население которых было на стороне России; Турция с освобождением островов могла легче изгнать французов из занятых ими пунктов на берегах Албании; наконец, Англия больше всего нуждалась тогда в помощи именно около египетского побережья¹. Таким образом, план, разработанный Ушаковым, свидетельствует о том, что русский флотоводец, бесспорно, был выдающимся стратегом.

Тогда же был подписан договор между Россией и Турцией, согласно которому Порта обязывалась, между прочим, не пропускать во время войны в Чёрное море ничьих военных судов, кроме русских.

20 сентября 1798 г. союзный русско-турецкий флот под главным командованием Ушакова вышел в поход.

Турецкая эскадра состояла из 4 линейных кораблей, 6 фрегатов, 4 корветов и 14 кононерских лодок. Ею командовал опыт-

¹ Ещё до выхода со всей союзной эскадрой в Средиземное море Ушаков отправил в подкрепление Нельсону 2 русских и 2 турецких фрегата и 10 кононерских лодок под общим командованием капитана 2-го ранга Сорокина.

ный боевой моряк адмирал Кадыр-Абдул-бей, приказом Селима поставленный в полное подчинение русскому адмиралу, которого он должен был «почитать как учителя».

В конце сентября союзный флот достиг Ионических островов, имевших крайне важное стратегическое значение¹. Расположенные при входе в Адриатическое море, они являются как бы ключом к берегам Италии и Балканского полуострова.

Весть о приходе русской эскадры, облетевшая все острова, вызвала ликование местного населения. Военные действия начались 27 сентября, когда капитан-лейтенант Шостака приступил к бомбардировке крепости на острове Цериго. Небольшой гарнизон французов отступил в главную крепость Капсалу, находившуюся на высокой горе и обнесённую крепкими стенами. Получив подкрепление от адмирала, отряд Шостака с чрезвычайными трудностями, перетаскивая орудия на руках по гористой местности, достиг Капсалы и после нескольких часов канонады заставил французов поднять белый флаг. Русскому офицеру были поднесены крепостные ключи, знамя и сдана 31 пушка.

Первые раскаты ушаковских орудий, раздавшиеся у острова Цериго, ознаменовали начало тех войн России с Францией наполеоновского времени, которые через сражения при Аустерлице, Прейсиш-Эйлау, Смоленске, Бородине, Дрездене и Лейпциге привели в 1814 г. победоносные русские войска на улицы Парижа.

Освобождение Ионических островов проходило очень успешно. Вслед за Цериго французы быстро потеряли и другие три острова с крепостями. На острове Занте, по своему значению втором после Корфу, французы, видя бесполезность сопротивления, сдались без боя. Победителям достались 491 пленный, 62 пушки, большие запасы пороха и знамёна. На острове Кефалония жители ещё до прибытия русского отряда под командой Поскочина сами обезоружили французский гарнизон, а затем передали скованных пленных на русские суда. Но на острове Св. Мавры, где действовал Сенявин², французы, укрепившись на превосходной горной позиции, в крепости на крутом утёсе, окру-

¹ Главные острова Ионического архипелага: Корфу, Занте, Св. Мавры, Кефалония, Цериго, Итака.

² Дмитрий Николаевич Сенявин — знаменитый русский адмирал (1763—1831), выпущен из Морского корпуса в 1780 г. мичманом. В чине вице-адмирала прославился своими действиями на Средиземном море в 1806—1807 гг., во время войны против Турции. Фамилия Сенявиных известна в русском флоте с самого его начала. При Петре служили Иван и Наум Сенявины; они первые из поступивших тогда во флот обучались морскому искусству в России.

жённом со всех сторон водой (морем и широкими водными рвами), оказали стойкое сопротивление. Когда Сенявин, подобно Шостаку, с невероятными трудностями достиг крепости, французы на предложение сдаться ответили выстрелами. Для ускорения взятия острова Сенявин обратился к Ушакову с просьбой об усилении десанта. В ответ на это адмирал 31 октября прибыл сам с частью эскадры, намереваясь немедленно же штурмовать крепость, но французский комендант, узнав об этом, предпочёл вступить в переговоры и 3 ноября сдал крепость Сенявину.

Русским достались трофеи: 59 орудий, 817 ружей, бомбы, порох и продовольствие на 600 человек на целый месяц. За покорение этого острова Павел объявил Ушакову особую благодарность, турецкому адмиралу пожаловал золотые часы с бриллиантами и щедро наградил остальных участников дела, подчеркнув в указе, согласно донесению Ушакова, заслуги Сенявина.

Итак, всего лишь в течение шести недель были освобождены четыре острова (Цериго, Занте, Кефалония и Св. Мавры). Потери неприятеля — 1 300 военнопленных, 44 убитых, 100 раненых и 202 орудия разного калибра. Наши потери составляли 2 убитых и 6 раненых нижних чинов. Столь быстрое завоевание островов и притом почти без потерь с нашей стороны сам Ушаков объяснял приверженностью местного населения к России.

Французы были изгнаны, хозяевами положения явились русские, которые в лице Ушакова не навязывали населению какой-либо формы власти извне, а давали полную свободу выборным местным управлениям, поставив их под защиту небольших русско-турецких отрядов.

Однако, несмотря на успехи русского оружия и политический такт, проявленный адмиралом Ушаковым, дело освобождения Ионических островов ещё далеко не было закончено. Предстояло завладеть островом Корфу с его знаменитой крепостью.

Остров Корфу, являющийся как бы столицей Ионического архипелага и расположенный на путях сообщения западного мира с Востоком, с древнейших времён привлекал к себе внимание разных народов и завоевателей. Бонапарт, вообще считавший, что Ионические острова имеют для Франции большее значение, нежели вся Италия, рассматривал остров Корфу как «дверь» на Балканский полуостров. Так же смотрел на него и английский адмирал Нельсон, рассчитывавший помимо русских захватить Корфу, с тем чтобы удержать его для Англии. На Корфу имел виды также и правитель Янинского округа в Нижней Албании Али-паша, с которым нельзя было не считаться.

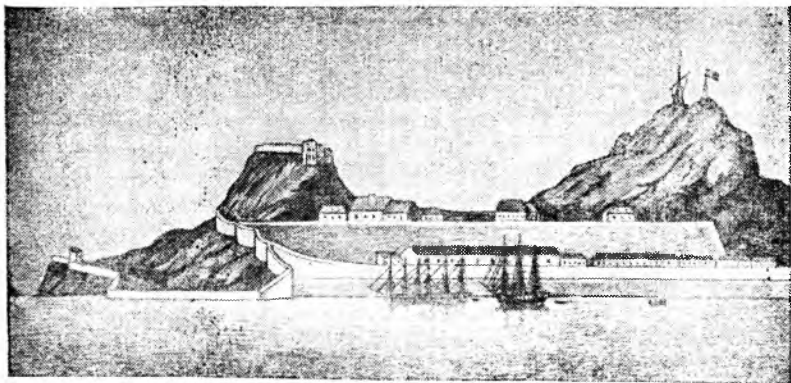
Этот вассал султана подчинялся распоряжениям из Константинополя лишь постольку, поскольку они соответствовали его личным целям. Подлинный восточный деспот, необычайно жестокий, хитрый, вероломный, он обладал огромными богатствами и значительными военными силами. Теперь, по распоряжению Порты, он должен был помогать русским в экспедиции против Корфу.

Ушакову пришлось выдержать упорную дипломатическую борьбу с Али-пашой, которого ему удалось, наконец, подчинить своей воле. Это было достигнуто отчасти путём дипломатической переписки и переговоров, отчасти посылкой русского фрегата к берегам Албании. Только тогда Али-паша уступил и высадил, наконец, на Корфу 2 500 албанцев. Но сделал он это всё-таки с задней мыслью, надеясь после ухода русских удержать остров за собой. Замысел Али-паши не был тайной для населения острова Корфу. Это повело к тому, что они стали уклоняться от оказания помощи русским, а часть их даже стояла одно время за французов. Правда, притеснения последних, грабивших во время блокады население крепости, довольно скоро образумили сторонников французской ориентации и заставили их изменить линию своего поведения.

Насколько сложна была задача в отношении Али-паши и как велика была заслуга русского адмирала, сумевшего без применения военной силы обуздать восточного сатрапа, видно, между прочим, из донесения самого Ушакова Павлу в декабре 1798 г. «В бумагах, отобранных мною от пленных на острове Св. Мавры, — доносил адмирал императору, — нашли письма, в которых Али-паша объясняет, что он всегда французам был друг и никогда против них не восставал; нас он называет великими их неприятелями и советами своими поощряет, чтобы крепость Св. Мавры защищали они как возможно. Из тех же писем видна его переписка с генералом Шабо, в Корфу находящимся, и ныне многие говорят, что он в Корфу с французами имеет свою переписку. Таковое доказательство без достаточных причин, хотя не может почесть во всём за верное, но понуждает иметь сомнение и осторожность»¹.

Таким образом, многочисленные затруднения осложняли и без того трудную задачу взятия крепости, защищавшей остров Корфу. Его первоначальные укрепления были возведены венецианцами ещё в XII в. Флот Венеции всегда находил здесь безопасное для себя убежище при отражении турок, делавших неоднократные попытки завоевания Корфу. С падением Венециан-

¹ Р. Скаловский, цит. соч., стр. 312.

Вид крепости Корфу в 1798 г.

ской республики, уничтоженной Бонапартом в 1797 г., Корфу вместе с другими островами был присоединён к владениям Франции.

Со времени первых строителей укрепления острова Корфу не только значительно увеличились, но и усовершенствовались. В описываемое время крепость Корфу, расположенная на горе и обнесённая мощными гранитными стенами, считалась неприступной. Не без основания полагали, что её нельзя взять штурмом, а только измором. Во всяком случае крепость Корфу, несомненно, была одной из самых сильных в Европе. Её укрепления, высеченные в скале, с подземельями и потайными ходами, состояли из двух крепостей (старой и новой), с фортами, расположенными так, что неприятель, овладев одним из них, попадал под перекрёстный обстрел остальных. В стенах крепости можно было разместить от 10 до 15 тысяч человек гарнизона. Французы сосредоточили там 3 тысячи солдат, до 650 орудий с боеприпасами и продовольствием, достаточным на полгода. С моря Корфу защищался островом Видо с фортом и крепостью, имевшей 800 человек гарнизона, и островом Лазаретто, на котором были сооружены батареи. Под стенами крепости стояли на якоре французские корабли «Женере» и «Леандр», фрегат, бриг, 6 галер и несколько других судов. Таким образом, крепость Корфу имела все шансы продержаться долгое время и дожидаться прибытия помощи из Италии¹.

¹ В начале января 1799 г. из Анконы в Корфу были отправлены 3 французских корабля и 2 мелких судна с десантом, которые, узнав о выходе отряда Пустошкина на поиски их, поспешили вернуться в Италию.

Ушаков вынужден был отказаться от намерения быстро взять штурмом этот последний оплот французов на Ионическом море. Суда союзной эскадры не были ещё сконцентрированы из-за операций в других местах; для десанта нехватало сухопутных сил, они подходили с большим запозданием и далеко не в том количестве, на какое рассчитывал адмирал¹. «Если бы я имел со мной, — доносил впоследствии Ушаков Павлу, — один только полк русского сухопутного войска, непременно надеялся бы я Корфу взять, совокупясь вместе с жителями, которые только одной милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к этому не допускать».

Но русского полка в распоряжении Ушакова не было, и ему пришлось приступить к блокаде острова. Блокада была начата отрядом капитана Селивачёва из 3 кораблей и 3 фрегатов. На предложение сдаться французский комендант генерал Шабо ответил категорическим отказом. 31 октября к Селивачёву прибыл на подкрепление отряд Поскочина из 4 судов; неделю спустя подошёл сам адмирал. В общей сложности эскадра состояла из 12 кораблей, 11 фрегатов и мелких судов. Всё-таки этого ещё было недостаточно. Необходимо было продолжать блокаду, и притом в условиях крайне неблагоприятных. Турецкие чиновники, обязанные доставлять союзному флоту продовольствие, бездействовали, и на судах остро чувствовался недостаток в съестных припасах; вследствие скудного питания и трудных работ среди команд начались тяжёлые заболевания.

Настроение населения с прибытием албанцев, всячески притеснявших и грабивших их, несмотря на противодействие со стороны русских, переменилось настолько, что стало заметно даже охлаждение к самому Ушакову. А между тем совсем ещё недавно он писал императору: «Жители острова Корфу к нам, или вернее, ко мне преданы и будут со мною действовать против французов». Теперь же население подчас просто отказывалось помогать русским.

Ушакову пришлось отказаться и от мысли овладеть предварительно островом Видо. «Я желал, — сообщал он Павлу в середине декабря 1798 г., — наипервое взять штурмом укреплённый многими батареями остров Видо, но почёл необходимой надобностью оставить оный на время, чтобы обратить солдатскую команду для защищения жителей от нападения французов, к пресечению грабежа и заготовления провианту в крепость».

¹ Паши ближайших к Корфу вилайетов (провинций) обязаны были выслать каждый по 3 тысячи человек; вместо этого все они прислали около 4 250 человек.

В таких обстоятельствах среди командного состава начали было поговаривать о том, что не лучше ли будет прекратить блокаду острова до тёплого времени. Но адмирал тотчас же пресек подобные рассуждения. Он понимал, что прекращение блокады пойдёт на пользу только неприятелю, который за зиму успеет получить подкрепления из Италии. Несмотря на многочисленные трудности, Ушаков неуклонно шёл намеченным им путём, ни минуты не сомневаясь в стойкости и преданности своих матросов и солдат; только твёрдая воля Ушакова и уверенность в полном повиновении подчинённых могли устоять против тяжких испытаний. И действительно, вера в русского человека, в его самоотверженность и преданность долгу, как всегда, не обманула его. «Наши служители, — писал позднее, в марте 1799 г., Ушаков русскому послу в Константинополе Томаре, — от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность; они работали в дождь, в мокроту, в слякоть, или же обмороженными, в грязи, но всё терпеливо сносили и с великой ревностью старались».

А между тем эти доблестные соратники Ушакова, в течение многих недель страдая от холода и голода, не могли из-за недостатка в снарядах даже обстреливать вражескую крепость. «Недостатки наши, — писал Ушаков в том же письме к Томаре, — бывшие при осаде Корфу, во всём были беспредельны, даже выстрелы пушечные необходимо было беречь для сильной и решительной атаки, по сему с прежних батарей всегда стрелять я запрещал и не мог постоянно наносить желаемого вреда неприятелю». Нехватало также денег и продовольствия. «Офицеры и служители, — сообщал тогда же Ушаков, — за долгое время вовсе не получают жалованья и никакого довольствия; по неимению припасов, невозможно приступить к исправлению кораблей, и прочие разные обстоятельства повергают меня в великое уныние, и даже в совершенную болезнь. Из всей древней истории не знаю я и не нахожу примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдалённости без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся... Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду»¹.

И всё-таки настроение русского флотоводца в эти столь тяжёлые месяцы было, по крайней мере внешне, ровное, твёрдое, уверенное. «Адмирал, — вспоминает в своих «Записках» Метакса, — гордясь усердием своих моряков, доставлял им все

¹ Р. Скаловский, цит. соч., стр. 321.

возможные случаи отличиться. Сам он действовал неусыпно, показывал всегда одинаковое расположение духа: он был всегда весел — в трудах, как на отдыхе, между христиан и среди магометан, на батареях и в каюте своей; везде виден был откровенный, прямой и великодушный воин, хотя имел дело с искусным неприятелем, с непросвещёнными союзниками и с коварными народами того края. Все подвиги его носили печать деятельности, усердия, твёрдости и правоты»¹.

8. ВЗЯТИЕ КОРФУ И УСТРОЙСТВО РЕСПУБЛИКИ СЕМИ ОСТРОВОВ

В конце января 1799 г. к Корфу были стянуты почти все морские силы союзников, за исключением 2 русских фрегатов и 2 турецких корветов, посланных Ушаковым с разными поручениями. Составилась эскадра из 12 линейных кораблей, 11 фрегатов и мелких судов. Приступили к прерванным из-за холодов осадным работам. Соорудили на холме Пантелеймона новую батарею, вооружённую корабельными и полевыми орудиями; первые должны были действовать по самой крепости, вторые — по укреплению Сан-Сальвадор. Вскоре построили ещё одну батарею. Эти батареи причиняли большой вред французам, пытавшимся делать вылазки, всякий раз с большим для себя уроном.

В середине февраля обучение моряков действиям на суше и вообще все приготовления к завладению островом были закончены, и 18 февраля было назначено Ушаковым днём общего штурма. Предстояло сперва овладеть островом Видо, а потом штурмовать крепость на Корфу. План штурма, составленный Ушаковым, содержал тщательно разработанную организацию управления и взаимодействия атакующих сил флота и сухопутных войск. Равным образом Ушаков предусмотрел и такие подробности, как осадные лестницы, верёвки, топоры, фашины, доски для перехода через рвы и пр. Моряк распорядился и действовал на суше, как опытный генерал.

Особым воззванием к местным жителям адмирал пригласил их принять участие в предстоящем решительном деле. Однако, предполагая, что действия союзников будут неудачны, почти никто из населения не явился. Союзные албанцы, ссылаясь на своё неумение штурмовать морские крепости, просто отказались брать остров Видо. Разгневанный Ушаков велел сказать им через переводчика: «Ну и ступайте все на ту гору при нашей се-

¹ «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы», стр. 180—181.

верной батарее и оттуда, сложа руки, смотрите, как я на ваших глазах возьму остров Видо и все его грозные батареи».

На рассвете 18 февраля 1799 г. на флагманском корабле союзной эскадры «Св. Павел» взвился сигнал, возвещавший общее наступление. Тотчас же фрегаты и мелкие суда снялись с якоря и двинулись к острову Видо, громя ураганным огнём береговые батареи, сметая траншеи и окопы; становясь на якорь на расстоянии картечного выстрела, они разворачивались бортом к берегу. За передовой линией шёл весь остальной флот и, согласно диспозиции, становился против заранее намеченных на островке батарей. Один корабль и два фрегата, по приказу адмирала, предусмотревшего решительно всё, держались под парусами против мыса Дезидеро, огнём своих орудий не позволяя французам послать подкрепление с Корфу на Видо.

Следует отметить при этом, что вся тяжесть борьбы с противником выпала на долю русских кораблей. «Турецкие корабли и фрегаты, — доносил Ушаков, — все были позади нас и не близко к острову; если они и стреляли на оный, то через нас, и два ядра в бок моего корабля посадили с противоположной стороны...».

Когда в 11 часов огонь неприятеля ослабел, был высажен десант общей численностью в 2 169 человек (две трети его составляли русские). Французы, бросив батареи, бежали внутрь острова.

«Храбрые войска наши, — доносил после боя адмирал, — вспомоществуемые турецкими, так сказать, мгновенно бросились во все места острова, и неприятель повсюду был разбит и побеждён... Из бывших в сие время на острове до восьми сот французов едва успели только немногие на гребных судах возвратиться к крепости». К двум часам дня на Видо уже взвился русский флаг. Комендант острова бригадный генерал Пиврон, 20 офицеров и 402 нижних чина были взяты в плен.

Вслед за этим с судов союзной эскадры на Корфу высадился десант для подкрепления войск, уже штурмовавших главную крепость со стороны укреплений Сан-Сальвадора и Св. Авраама. Французы оказали стойкое сопротивление, но под неудержимым натиском русских бойцов вынуждены были отступить во внутреннюю крепость. ✓

Взятие острова Видо и передовых укреплений Корфу решило судьбу этой твердыни. Убедившись в «том самоотвержении, с каким осаждающие готовы были возобновить нападение», противник понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Вечером того же дня генерал Шабо предложил Ушакову вступить в переговоры о перемирии. «Я всегда на приятные договоры

согласен», — иронически-любезно ответил адмирал, и на следующий день была подписана капитуляция о сдаче острова Корфу с его до толе неприступной крепостью. В плен сдалось около 3 тысяч человек гарнизона, в том числе 4 генерала. Русские получили богатые трофеи: 636 орудий, 5 с половиной тысяч ружей с боеприпасами, провиант (до 10 тысяч пудов) и 24 судна разной величины¹.

Согласно условиям капитуляции, весь гарнизон по выходе из крепости выстроился во фронт и положил оружие и знамёна перед строем победителей. Французы обязывались в течение полутора лет не участвовать в военных действиях против России и её союзников. Вообще же условия капитуляции были почётны для французов: генералам и офицерам возвратили их шпаги, за что они были крайне признательны Ушакову.

Значение новой победы Ушакова чётко определил Суворов, слова которого адмирал считал большой для себя наградой. Получив известие о взятии Корфу, великий полководец, никогда не склонный к лёгким похвалам, с восторгом воскликнул: «Великий Пётр наш жив! Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнёс, а именно: Природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, — то и теперь мы видим. Ура русскому флоту!.. Зачем не был я при Корфу, хотя мичманом?»

При недостаточном количестве осадных орудий, снарядов, сухопутного десанта, продовольствия, одежды, обуви и ненадёжности союзных недисциплинированных войск покорение Ушаковым острова Корфу действительно было выдающимся подвигом. Это должен был признать и знаменитый Нельсон, писавший русскому флотоводцу: «От всей души поздравляю ваше превосходительство со взятием Корфу и могу уверить вас, что слава оружия верного союзника столь же дорога мне, как и слава моего государя».

Были тогда получены Ушаковым поздравления и от других лиц. Посланник Томара доносил Павлу из Константинополя: «Взятие крепости на острове Корфу произвело несказанное удовольствие в публике, тем более что многие из министров турецких в последнее время открыто говорили, что крепость без надлежащей осады и обыкновенно употребляемых при атаке средств взята быть не может».

¹ При распределении морских трофеев русской эскадре достался превосходный английский корабль «Леандр», захваченный французами после Абукирского сражения. Вскоре «Леандр» был безвозмездно возвращён Англии.

Император прислал победителю патент на чин полного адмирала, Фердинанд IV, король Неаполитанский,—ленту св. Януария, султан Селим — алмазное перо на шляпу (челенгу) (по обычаю Порты — высшая награда), две табакерки с бриллиантами и соболью шубу «за храбрость, искусство и деятельное исполнение высочайших повелений», как сказано в фирмане (указе), и 3 500 турецких червонцев в награду офицерам и рядовому составу русской эскадры.

Население Ионических островов выражало Ушакову и русским морякам свою глубокую симпатию и благодарность.

К Ушакову являлись делегации от сената и народа. Каждый из островов сделал Ушакову какое-либо почётное подношение. От столицы Корфу адмиралу преподнесли осыпанную бриллиантами золотую шпагу с надписью: «Корфу — освободителю своему Ушакову»; от острова Кефалония — золотую медаль с портретом Ушакова; от Занте был поднесён серебряный золочёный щит с изображением островов и золотая шпага; от Итаки — золотая медаль и т. д.

Надписи на этих подношениях в разных словах говорили об одном и том же: «Победителю нашему Ушакову», «Мужественный освободитель Итаки», «Остров Занте приносит мужественному и храброму главному предводителю морских сил адмиралу Ушакову в знак благодарности к своему спасителю и победителю, исторгшему сей остров от незаконного тиранского ига» и т. д.

После взятия Корфу операции русско-турецкого флота в восточных водах Средиземного моря были почти закончены, и Ушаков приступил к введению на островах нового государственного порядка.

«Задача, выпавшая Ушакову по организации управления на Ионических островах, — замечает Н. Д. Каллистов, — была очень сложной и трудной; и быстрота и лёгкость, с какою он справился с ней, заставляют признать в нём выдающегося государственного человека»¹. Ушаков создал на Ионических островах республику, считая, что эта форма управления предоставит известную самостоятельность вновь возникшему миниатюрному государству. При этом он сумел прекратить завязавшуюся было внутреннюю борьбу между дворянскими партиями Архипелага и оградил, что особенно следует отметить, права других сословий от порабощения их дворянством. Вся эта сложная работа была проведена под непосредственным наблюдением Ушакова, причём множество основных актов учреждае-

¹ Н. Д. Каллистов, Флот в царствование императора Павла I, «История русской армии и флота», т. IX, стр. 31.

мой республики и даже присяга для депутатов были написаны лично им самим¹.

Сложность работы увеличивалась ещё тем обстоятельством, что у адмирала не было даже сколько-нибудь приличной канцелярии, как это видно, между прочим, из его письма к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Кушелёву. «При теперешних обстоятельствах,—писал Ушаков в марте 1799 г.,—да и всегда дел столь много, что если бы со мною десять писцов было, не успели бы всего исполнить. Я никого таких не имею, кто бы мог писать, выслушавши от меня только содержание, и потому затруднён и измучен бесподобно, так что, теряя последние силы, третий день совсем почти болен... В письменных делах обуза пренесносная; она отягощает меня до бесконечности и отводит от исполнения других важных дел... Но к письмоводству времени мне совсем не достаёт, да и столько им отягощён, что жизни моей не рад».

Наряду с устройством управления Республики семи островов Ушаков, само собой разумеется, не забывал о делах и положении своих славных соратников, подвигами которых и была создана новая республика. «Личное внимание адмирала, — говорит Метакса, — обращено было особенно на гошпитали: больные и раненые, до того находившиеся в порте Гувино, были все немедленно переведены в главный гошпиталь в Корфу; дежурство учреждено из капитанов по старшинству и порядок заведён строгий. Постели содержимы были с крайнею чистотою, и больные, при необыкновенном присмотре, снабжены были как нужными лекарствами, так и лучшею пищею... Адмирал почти ежедневно посещал гошпитали, входил во все подробности продовольствия и пользования [т. е. лечения] и, расспрашивая больных о нуждах их, часто с чувством нежного отца говорил раненым: «Вы сделали, ребята, своё дело, теперь я исполняю долг свой»².

Наряду с этим Ушакову приходилось думать и о том, чтобы быть готовым на случай возобновления военных действий, на этот раз не против французов, а против союзника. Али-паша не мог равнодушно смотреть на результаты русских побед и захваченные трофеи; он желал получить значительную часть трофеев победителей и готов был на измену. «Али-паша хочет быть с нами участником во взятии крепости Корфы, — писал Ушаков Томаре в марте 1799 г.,—не выводит своих войск отсюда и на-

¹ Источниками и образцами для Ушакова послужили в настоящем случае местные установления, а также установления Венецианской и Рагузской республик.

² «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы», стр. 221—222.

днях... прислал ещё до 300 албанцев и намеревается всё, что есть взятое в крепости и в городе, делить со мною товариществом. Если бы он прислал к нам своего сына и с ним 6 или 7 тысяч войска, то я хотел бы его сделать участником, в чём ему и обещал¹; но он от присылки войска отказался и требовал от Блистательной Порты позволения брать Корфу ему самому, для чего полагал необходимым иметь не менее 25 тысяч войска... Я его к разделу от занятия им обще с нами крепости не принимаю... Говорят, что он намерен ввести сюда десять тысяч войска; если он предпримет такую дерзость, я почту за бунт против Блистательной Порты и против нас и прикажу военным судам нашим топить все его суда, на которых войско его переправляться будет, если и он сам с ним будет».

Таково было непреклонное решение русского адмирала. По первому его сигналу русские суда должны были начать новые военные действия. А между тем, судя по донесению самого же Ушакова адмиралу Кушелёву, материальное состояние русской эскадры тогда было совсем печальное.

«Из эскадры мне вверенной, — писал Ушаков в мае 1799 г., — половина кораблей и большая часть фрегатов имеет великую течь; с некоторых кораблей, особенно с «Богоявления», «Троицы» и с некоторых фрегатов, верхняя обшивка спадывает; обшивные доски иногда выплывают из-под них наверх, а сие оттого, что обшиты они были дурно и обшивка креплена тонкими гвоздями. Гвозди так соржавели и истлели... и когда раскалывают доску, чтобы её вынуть, то все гвозди, какие в ней есть, рассыпаются... Корабли «Богоявление», «Троица», «Магдалина», «Св. Пётр» требуют непременно исправления килеванием; также фрегаты «Навархия», «Казанская», «Сошествие св. духа» и «Николай» необходимо надобно килевать, а здесь к килеванию ни смолы, ни гарпиусу, ни серы горючей, ни гвоздей, ни железа, ни пеньки, ни лесу на бимсы, словом сказать, ничего нет. Стараюсь и по возможности что только удобно исправлять, но по совершенному во всём неимуществу ничего существенного сделать не можно. Всю зиму были мы в движении, блокируя крепости и остерегая Венецианский залив от высадки десанта... При всём нашем теперешнем состоянии, паруса на многих судах ветхи; такелаж во многом числе в худости и требует перемены, и ничего здесь нет... Во всём крайний недостаток, но с ним по сие время я ещё по возможности успеваю. Теперь, как с этими кораблями и фрегатами отсюда выйти, ежели обстоятельства

¹ Речь идёт о присылке албанского вспомогательного отряда ещё до покорения Корфу.

чего потребуют? Не знаю. Кроме одной опасности ничего не предвижу».

Али-паша не мог не знать о таком состоянии русской эскадры и о других испытываемых ею тогда затруднениях. Многие были убеждены, что он воспользуется этим и осуществит свой дерзкий план. Но замысел его так и остался всего лишь замыслом. Одной только словесной угрозы русского адмирала оказалось достаточным, чтобы обуздать алчного деспота, перед именем которого дрожало всё Адриатическое побережье Балканского полуострова, Ионический архипелаг и места, сопредельные с ними.

9. БОРЬБА С ФРАНЦУЗАМИ В ИТАЛИИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Одновременно с другими делами Ушаков занялся приведением в порядок своей эскадры, большинство судов которой пришлось подвергнуть основательному ремонту. В этом вообще была крайняя необходимость, да к тому же русской эскадре вскоре пришлось действовать в западной части Средиземного моря.

Австрия, разбитая французами на сухопутном театре военных действий, обратилась за помощью к России. Павел согласился помочь ей, и весной 1799 г. Суворов во главе русско-австрийских войск вступил в северную Италию. Начались громкие победы суворовских чудо-богатырей, одержанные вопреки противодействиям австрийцев, как всегда, ненадёжных и вероломных союзников. Решающее значение для сухопутной кампании 1799 г. имела битва при Нови (15 августа), когда французская армия была наголову разбита и остатки её с великим трудом спаслись от плена. Осенью 1799 г. французы, понеся ряд поражений, были вытеснены из северной Италии, где за ними оставалась только часть прибрежной Генуэзской области. Но в южной части Апеннинского полуострова во власти интервентов находились Римская область и Неаполитанское королевство, король которого Фердинанд IV взывал о помощи к Павлу. Царь благосклонно отнёсся к просьбе Фердинанда и в повелениях, данных Ушакову и Суворову, приказал помочь русским флотом и войском неаполитанскому королю, бежавшему на остров Сицилия, в Палермо.

Суворов предложил Ушакову послать отряд судов в Адриатическое море для блокады Анконы (город Римской области), откуда французы могли угрожать коммуникациям в Адриати-

ческом море. 1 мая к Анконе и в Венецианский залив была отправлена союзная эскадра под командованием контр-адмирала Пустошкина¹, а ещё за две недели до этого Ушаков отрядил к восточным берегам Италии небольшую эскадру под командой капитана Сорокина. Неожиданное появление отряда Сорокина в Бриндизи вызвало среди неприятеля такую панику, что французский комендант, только что усевшийся со своим штабом обедать, тотчас же бросился бежать из города, увлекая за собой весь гарнизон. Бриндизи был взят без боя.

Отсюда, держась возможно ближе к берегам, Сорокин проследовал к северу, получая отовсюду известия о том, что один лишь слух о приближении русских моряков заставляет оккупантов бежать внутрь страны. Развешивавшиеся в прибрежных городах и селениях итальянские флаги наглядно подтверждали это известие. Плавание эскадры Сорокина до Манфредонии сопровождалось восторженными оvationами с берега в честь России.

В Манфредонии был высажен десант в 600 человек под командой русского капитан-лейтенанта Белли, который занял Фоджио. Отсюда десант, по просьбе представителя Фердинанда IV, был отправлен в Неаполитанское королевство. Выступивший навстречу Белли двухтысячный неприятельский отряд рассеялся без боя, и русский десант, по дороге подкрепляемый вооружёнными отрядами местных добровольцев, быстро пересек страну с востока на запад. 1 июля Белли подошёл к Неаполю со стороны Везувия и Портичи. Гарнизоны Портичи и форта Гранателло заблаговременно оставили укрепления и город. Заняв форт, Белли продолжал наступать вдоль берега, где прибрежный форт Виньеоно оказал отчаянное сопротивление. Оно было сломлено, после чего произошло сражение около самого Неаполя, когда противник под командой генерала Виртца был наголову разбит небольшим отрядом Белли. Согласно плану союзников Нельсон должен был притти в неаполитанские воды с 17 судами ещё до прибытия туда русских, но английский адмирал со своей эскадрой пришёл тогда, когда почти всё уже было кончено.

Необходимо отметить, что после взятия Неаполя начались неистовства монархистов и ополченцев, не дававших пощады никому из побеждённых республиканцев. Нельсон, повесивший на мачте английского корабля республиканского адмирала Кара-

¹ Блокада и осада Анконы вследствие недостатка русско-турецких десантных сил окончилась капитуляцией, по одностороннему предложению австрийского генерала Фрейлиха, на крайне выгодных для французов условиях; при этом поведение австрийского генерала в отношении союзников было таково, что позднее, по требованию Павла, он был предан суду.

чиолло, поддерживал подобную расправу. Напротив, русские, которых население провозгласило спасителями города, несколько дней одни сохранявшие порядок в Неаполе, взяли на себя примирительную миссию. Для разбора действий сторонников республики была учреждена Хунта (временный верховный суд), быстро превратившаяся в средство для мщения и сведения личных счётов. Беспрестанные доносы, признания, вынужденные пыткой, личные мщения ввергали в тюрьмы многие сотни обвинённых. Осуждённых расстреливали из пушек, другим рубили головы на эшафотах или вешали. От этих ужасов терроризованное население искало спасения у русских. Дома, занятые нашими моряками, были домами-убежищами, ибо неограниченное уважение к русским охраняло их жилища от вторжения и обысков агентов Хунты. Белли иногда тайно помогал ложно обвинённым, ни в чём не повинным людям бежать из Неаполя; в других случаях он прямо обращался к Хунте с просьбой о помиловании, и его ходатайство всегда бывало удовлетворено. Старания русских сдерживать террор вызывали глубокую к ним благодарность неаполитанцев. «Срам Италии и слава русским!» — писал по этому поводу итальянский историк Ботта.

Действия Белли с горстью матросов и солдат с момента высадки нашего десанта у Манфредонии не могут быть названы иначе как выдающимся подвигом. Павел должным образом оценил его: Белли, только что произведённый в капитаны 2-го ранга, был награждён орденом Анны 1-й степени, которым награждались лишь генеральские чины. Суворов писал царю: «Сделанное капитан-лейтенантом Белли в Неаполе доказывает, что русские люди на войне всех прочих бить будут, да и тех, кои с ними, тому же научат». Нельсон также отозвался о действиях нашего десанта в Неаполе самым лестным образом.

Король Фердинанд продолжал обращаться к Ушакову с настойчивыми просьбами о помощи и получил, наконец, его согласие на приход со всем флотом из Корфу к Неаполю. Закончив исправления кораблей, Ушаков 3 августа проследовал в Мессину. Союзная эскадра состояла из 9 линейных кораблей, 6 фрегатов и 5 малых судов; флагманским кораблём попрежнему был «Св. Павел».

Задачей Ушакова в данный момент являлось содействие Неаполитанскому королевству в очищении от оккупантов Римской области, где ещё держались французы. Из Мессины надлежало отправить две союзные эскадры — одну к Генуэзскому заливу для содействия операциям Суворова в северной Италии, другую к Неаполю для поддержания там порядка. Пришлось отказаться от посылки турецких судов, так как команды их вышли из по-

виновения и не соглашались итти ни в какое плавание иначе как целой эскадрой. К Неаполю был послан Сорокин с 3 фрегатами, а к Генуе—отряд Пустошкина, произведённого в это время в вице-адмиралы. Хотя блокада Генуэзского залива была задачей почти невыполнимой с теми силами, какими располагал Пустошкин (всего лишь 2 корабля и 2 мелких судна, отнятых у французов), ему всё-таки удалось в значительной мере выполнить её.

Помимо блокады (для поддержки предположенного Суворовым наступления русских войск на Геную) задачей эскадры Пустошкина было также прикрытие Ливорно от вражеского нападения с моря¹. Действия Ушакова и Суворова были согласованы. За время стоянки Пустошкина в Ливорно туда прибыл отряд русских войск из трёх гренадерских батальонов, высланных Суворовым на эскадру Ушакова для дальнейшего следования на Мальту. Вследствие противных ветров и появления на море французских кораблей гренадеры сухим путём направились в Неаполь, откуда были перевезены на эскадру Ушакова.

Тем временем сам Ушаков проследовал в Палермо для переговоров с Нельсоном о дальнейших действиях. В Палермо турецкие команды окончательно вышли из повиновения. На этот раз вспыхнул уже настоящий бунт. Кадыр-бей и корабельные командиры совершенно растерялись. Турецкий адмирал, трепещущий, явился к Ушакову с донесением о происшедшем и с просьбой о помощи.

Не теряя ни минуты, Ушаков отправился на союзную эскадру и появился среди взволнованной толпы. Удивлённые его решимостью и грозным видом, бунтовщики быстро успокоились, почтительно подошли к русскому адмиралу, имя которого стало легендарным, и внимательно выслушали его. Не мешает заметить, что турецкие моряки в общем охотно подчинялись начальствованию русских; если что им и не нравилось, так это великодушное обращение с военнопленными, чего они просто не понимали. Однако в настоящем случае все красноречивые убеждения Ушак-паши остались втуне. Турки ничего не хотели, как только скорейшего возвращения на родину, а потому русский флотоводец отказался от дальнейшего использования султанской эскадры.

1 сентября, никого не известив официально, турецкая эскадра снялась с якоря и взяла курс на Дарданеллы.

Приступив к переговорам с Нельсоном, Ушаков, согласно желанию Павла, предложил английскому адмиралу осуществить освобождение от французов Мальты, которую английские, пор-

¹ В Ливорно находились провиантские склады для русских войск.

тугальские и неаполитанские суда бесплодно блокировали уже около полутора лет. Однако Нельсон, сам имевший виды на этот стратегически крайне важный остров, под всевозможными предложениями уклонялся от предложения Ушакова. В то же время король Фердинанд убедительно просил Ушакова до экспедиции на Мальту предварительно пойти к Неаполю для установления и там и в Риме окончательного порядка. Так как подобное задание не противоречило распоряжениям Павла, Ушаков в конце концов уступил и 7 сентября бросил якорь в водах Неаполитанского залива. Русский флотоводец был облечён королём Фердинандом всей полнотой власти: ему была предоставлена исключительная свобода действий и подчинены все высшие военные власти Неаполитанского королевства.

Ушаков проявлял неутомимую деятельность. Он уделял много внимания организации военных учреждений Неаполя, налаживал их деятельность, производил обучение организуемых неаполитанских войск, представлявших сомнительную силу. В связи с этим Ушаков приступил к формированию особого отряда из русского десанта и неаполитанских войск для римского похода, в успехе которого он не сомневался. Затянувшимися приготовлениями Ушакова воспользовался (по тайному распоряжению Нельсона) Трубридж, командир английского корабля, стоявшего на неаполитанском рейде. Он заверил Ушакова, будто уходит в Чивита-Веккио (порт близ Рима), чтобы оттуда с другими английскими кораблями проследовать к Палермо на соединение с Нельсоном. На самом же деле, придя в Чивита-Веккио, Трубридж предложил французскому генералу Гарнье капитулировать на чрезвычайно выгодных условиях: у французов не отбиралось оружие, они не лишались права возобновить военные действия, которые, таким образом, могли быть обращены против Суворова. Гарнье, знавший о предстоящем походе русских, с радостью согласился на предложение Трубриджа, и 16 сентября капитуляция была подписана.

Ушаков был возмущён таким поведением союзника, но протест русского адмирала остался без результата, и дело поправить было уже нельзя. 19 сентября неаполитанский генерал Буркард, признавший капитуляцию, вступил в Рим, где воцарились террор, грабежи, насилие. Население Рима с нетерпением ожидало прихода русского отряда, триумфально вступившего (в количестве 820 гренадеров и 200 матросов) 30 сентября 1799 г. в стены Вечного города под начальством морского полковника Скипора и лейтенанта Балабина.

Многие толпы встретили вступивших в город русских и сопровождали их по улицам. С любопытством и удивлением смотрели

римляне на невиданных ими жителей отдалённого севера, пропремевших своими победами по всей Италии. Всюду русских сопровождали восклицания: «Да здравствуют русские! Да здравствует Россия!» Окна и балконы были задрапированы, как в праздник; с них восторженные римляне рукоплескали, махали платками, забрасывали русских цветами. «Вот те, которые бьют всегда французов и которых французы боятся! Вот наши избавители! — кричали римляне. — Недаром французы спешили отсюда удалиться». Таким образом, англичане не предвосхитили чести освобождения Рима. Итальянцам было понятно, кто их настоящие избавители¹.

Месячное пребывание русского десанта в Риме способствовало прекращению белого террора и установлению порядка в городе. Вообще оно имело для Рима те же благотворные результаты, как и пребывание Белли в Неаполе после изгнания оттуда французов.

Походом в Рим закончились в Средиземном море действия десантных сил эскадры Ушакова.

5 ноября 1799 г. русский отряд вернулся в Неаполь, где Ушаков — победоносный представитель России — собирал все силы для экспедиции на Мальту.

Авторитет русского имени благодаря подвигам наших моряков стоял тогда в Средиземном море необычайно высоко.

Ушаков, подобно Суворову всегда действовавший наверняка, тщательно приготовился к походу на Мальту. Однако осуществить его так и не пришлось. 20 декабря адмирал с главными силами вышел в море по направлению к Мальте. Но к месту назначения эскадра не дошла, так как в Мессине было получено приказание Павла о возвращении русского флота в Чёрное море. Павел, справедливо возмущённый отношением к России союзников-австрийцев, бросивших Суворова на произвол судьбы в Швейцарии², отозвал свои войска и флот в Россию. 8 января 1800 г. Ушаков вернулся на Корфу, куда стали прибывать и другие отряды его эскадры. Одно время намечалось было возобновление военных действий, но в июне Ушаков получил второе приказание Павла о возвращении в Севастополь, и 6 июля русский флот ушёл из Корфу в Константинополь.

Обратный путь русского флота сопровождался теми же выражениями признательности со стороны населения, какими встречали его во время победоносного плавания вдоль побережья

¹ См. В. П. Ильинский, Адмирал Ф. Ф. Ушаков в Средиземном море, стр. 45—46.

² Вероломство австрийских немцев принудило армию Суворова покинуть Италию и в холодное уже время, в неопишимо тяжёлых условиях предпринять свой знаменитый переход с боями через Альпы в Швейцарию.

Ионических островов и Апеннинского полуострова. Депутаты от всех островов являлись к Ушакову с выражением благодарности местных жителей. Остров Кефалония выбил медаль в честь Ушакова с изображением на одной стороне адмирала и надписью: «Знаменитый, почитаемый Фёдор Ушаков, главный русский флотоводец. 1800 г.», с другой—изображение русской эскадры, освобождающей острова, и подписью: «Кефалония — всех Ионических островов спасителю». Остров Корфу сверх подношения, о котором упоминалось выше, поднёс Ушакову шпагу с надписью: «Корфу — освободителю своему Ушакову». Были ещё подношения от острова Занте и другие.

«Офицеры русского флота,—говорит в своей «Истории войны 1799 г.» Д. А. Милютин, реорганизатор русской армии во вторую половину XIX в., — могут гордиться кампанией 1799 г., не только на своей стихии, но и в действиях сухопутных оказали они отличную храбрость, распорядительность, знание дела и везде исполняли честно свой долг».

По прибытии в Константинополь русский флот и его вождь были встречены с прежним почётом. В первые же дни явились с поздравлениями по случаю благополучного прибытия представители султана и послы иностранных держав. В знак особого благоволения Селим пожаловал Ушакову (редкий случай) вторую челенгу с алмазами и 6 медных турецких пушек.

На Босфоре Ушаков простоял почти месяц, в течение которого велись заключительные переговоры об установлении русско-турецкого протектората над Ионическими островами и происходил обмен ратификациями. Покинув Босфор, русский победоносный флот вошёл, наконец, 26 октября на рейд Севастополя, оставленный им более двух лет назад.

Блеск побед Суворова несколько затмевал перед современниками значение одновременных побед на море Ушакова и его соратников. Всё внимание сосредоточивалось на итальянской кампании Суворова и на беспримерном в истории войн швейцарском походе. Даже в XIX в. мало кто вспоминал о том, что на рубеже этого века русские моряки со славой сражались на Ионических островах, на побережьях Апеннинского полуострова, под стенами Неаполя.

А между тем неустрасимые русские моряки освободили тогда от наполеоновского гнёта Ионический архипелаг и учредили там новую республику; они всемерно и притом успешно боролись в Италии с белым террором, установили порядок в Неаполе и Риме¹. Россия, несомненно, приобрела в ту войну

¹ Это, между прочим, особенно подчёркивал и Фердинанд IV, писавший Ушакову, что прибытие русского флота в Неаполь было единственной

Медаль, поднесённая адмиралу Ушакову населением острова Кефалония

именно благодаря действиям своего флота реальные выгоды: на Ионических островах была создана тогда не только база политического влияния России, но и военная база, русский аванпост в Европе и на Ближнем Востоке; вместе с тем оставленные открытыми Константинопольские проливы (личная заслуга Ушакова-дипломата, умевшего ладить с турецкими дипломатами) обеспечивали для русского юга быстрое развитие его торговли со странами Средиземноморского бассейна.

10. ОТСТАВКА. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

С возвращением из средиземноморского похода окончилась боевая деятельность Ф. Ф. Ушакова, проделавшего в общей сложности около сорока морских кампаний. Наступило царствование Александра I — самая мрачная эпоха в истории русского флота.

При Александре I отрицалась необходимость для России сильного флота. В соответствии с этим всем морским учреждениям, в частности и Морскому корпусу, стремились придать характер организации, близкой к сухопутной. Во флот проникла шагистика, солдатская муштра, которой император всегда придавал огромное значение, в корпусе было введено изучение фронтовой службы, морские шляпы заменены сухопутными

причиной всех последовавших событий, что освободителем Рима является тот же русский флот и что спокойствием, воцарившимся в Италии и Римской области, он обязан только Ушакову.

киверами, причём малейшее нарушение формы влекло за собой строгие взыскания. Дошло до того, что качества моряка стали определять главным образом знанием ружейных приёмов и фронтальной выправкой.

Вполне понятно, как должны были чувствовать себя в подобной обстановке настоящие моряки, постоянно испытывавшие на себе, по выражению современников, «презрительное» отношение к флоту и его выдающимся представителям. Подобную «презрительность» тяжело испытал на себе Сенявин, стяжавший заслуженные лавры в Средиземном море во время войны 1806—1807 гг.

При Александре I, исполнителем предначертаний и личным другом которого был Аракчеев, нужны были другие люди, к числу которых, разумеется, Ушаков не принадлежал. В 1802 г. он был переведён с Чёрного моря на Балтику, с назначением на должность главного командира Балтийского гребного флота и начальника корабельных команд в Петербурге. Название должности звучало достаточно громко, но фактически Ушаков, ещё полный энергии и сил, был отстранён от дел.

Петербургские бюрократы недолюбливали «слишком решительного» адмирала. Ушаков почувствовал это уже в дни своих побед на Средиземном море. Ещё тогда он писал в Константинополь Томаре: «За все мои старания и столь многие неусыпные труды из Петербурга не замечаю соответствия. Вижу, что, конечно, я кем-нибудь или какими-нибудь облыжностями расстроен; но могу чистосердечно уверить, что другой на моём месте, может быть, и третьей части не исполнил того, что я делаю. Душою и всем моим состоянием предан службе и ни о чём более не думаю, как об одной лишь пользе государевой. Зависть, быть может, против меня действует за Корфу; я и слова благоприятного никакого не получил, не только ничего того, что вы предсказывали. Что сему причиной? Не знаю. Столь славное дело, каково есть взятие Корфы (что на будущее время эпохою может служить), принято, как кажется, с неприятностью, а за что, — не знаю. Мальта ровесница Корфу; она другой год уже в блокаде и когда возьмётся, ещё неизвестно, но Корфу нами взята почти без всего и при всех неимуществах».

Однако начатые против Ушакова в период Ионической кампании интриги не смогли привести к его отстранению от руководства в разгар боевых операций. Теперь же, очевидно, счи-

¹ Р. Скаловский, цит. соч., стр. 349—350. Мальта, к блокаде которой англичане приступили ещё до начала блокады Корфу, была взята лишь спустя полтора года после взятия Корфу.

тали, что можно обойтись и без него, и постепенно «сдать в архив» старого «морского волка».

Такое отношение, конечно, оскорбляло Ушакова, но в то же время нисколько не мешало ему попрежнему горячо интересоваться любимым флотом и благополучием своих подчинённых. О служебной деятельности Ушакова за это время, к сожалению, сохранилось очень мало данных, но в архивных документах морского ведомства имеются его докладные записки на имя морского министра, в которых он предлагал разные меры для облегчения «наряжаемых на работы казённых людей», настоятельно рекомендовал покупку в Галерной гавани частных домов, чтобы устроить в них казённые квартиры для офицеров гребного флота, тогда живших по всему городу, и т. п. В 1806 г., во время войны с Францией и Турцией, Ушаков пожертвовал на военные нужды алмазную челенгу, подаренную ему султаном Селимом. Александр вернул пожертвование с лестной запиской. «Знак этот, — писал император, — должен сохраняться в потомстве вашем, как памятник подвигов, на водах Средиземного моря вами оказанных, и отныне впредь будет свидетельствовать, сверх военных доблестей ваших, и примерное соревнование ко благу любезного отечества»¹.

Своё приношение Ушаков сделал отнюдь не от значительных материальных достатков. Имение, пожалованное ему Екатериной, он, повидимому, так и не получил, а с немногочисленных крестьян, доставшихся ему по наследству от отца, не взимал оброка. Жил он исключительно на своё жалованье, очень скромно, помогая единственным своим родственникам — племяннице и двум племянникам. Это подтверждается, между прочим, и прошением Ушакова об отставке, в котором говорится, что он не просит ни наград, ни имений, обещанных ему предшественниками Александра, а всего лишь средств на пропитание².

21 января 1807 г. Ушаков согласно его прошению был уволен по болезни от службы с мундиром и пенсией в размере половинного жалованья, т. е. как это обычно полагалось тогда в подобных случаях.

По выходе в отставку Ушаков переселился к себе на родину в Темниковский уезд. О последних годах жизни непобедимого моряка, его внешнем и нравственном облике сообщает нам Бантыш-Каменский, неутомимый собиратель известий о русских «достопамятных людях».

¹ Н. Д. Бантыш-Каменский, цит. соч., т. V, стр. 187.

² Из завещания Ушакова, составленного в 1810 г., явствует, что после отставки он был владельцем уже всего лишь семи дворовых.

«Ф. Ф. Ушаков, — писал этот автор, — был роста среднего, сухощав, в плечах широк; лицо имело младожовое, приятное, и в глубокой старости всегда играл на оном румянец. Нрава был чрезвычайно вспыльчивого: беспорядки, злоупотребления составляли его выходить из приличия; но гнев скоро утихал. Камердинер его Фёдор один только и умел обходиться с ним, и когда Ушаков сердился, слуга сначала хранил молчание, отступал от него, но потом сам возвышал голос на господина, который, в свою очередь, удалялся от слуги и не прежде выходил из кабинета, как удостоверившись, что гнев Фёдора миновал».

Бантыш-Каменский отмечает, что, занимаясь рассмотрением военно-судебных дел, Ушаков «щадил мужа, отца семейства многочисленного», и выносил приговоры очень мягкие, что он «чрезвычайно дорожил казённым интересом, утверждая, что в собственных деньгах должно быть щедрым, в казённых скупым, и правило сие доказывал на деле...» Бантыш-Каменский сообщает далее, что в деревне Ушаков вёл жизнь почти отшельническую и «оставил после себя любопытные записки, которые ныне (30-е годы XIX столетия. — В. С.) принадлежат Г. Метаксе¹. Он известен был своими подвигами на море, сколько современник его Суворов победами на суше; умел поселить в подчинённых дух непоколебимой храбрости; обращал особенное внимание на артиллерию, действовавшую у него всегда с отличным успехом; с малыми силами бил неприятеля, гораздо сильнейшего».

В заключение своих сообщений об Ушакове Бантыш-Каменский приводит случай из жизни Ушакова, свидетельствующий о его беспристрастности и высокой честности: «Доказательством благородной, чуждой зависти души Ушакова служит следующий анекдот². Адмирал Сенявин в бытность свою на Чёрном море штаб-офицером навлёк на себя неудовольствие Ушакова и потом совершенно лишился его расположения, так что иногда доходило до формальных жалоб со стороны последнего. В 1805 г., когда Ушаков находился в Петербурге, кто-то сказал ему, что в Кронштадте снаряжается эскадра для отправления в Средиземное море, но что ещё не известно, кто будет ею начальствовать. «Я не люблю, не терплю Сенявина, — отвечал Ушаков, — но если бы зависело от меня, то избрал бы к тому одного его». Рассказывают, будто бы этот же самый ответ дал он и одной особе, посланной от императора Александра

¹ Сам Метакса в своих воспоминаниях, правда, кончающихся рассказом о покорении Корфу, ничего не говорит о записках Ушакова.

² Под словом «анекдот» в старину разумели вообще какой-либо рассказ или сообщение, отнюдь не лишённое достоверности.

спросить его мнения о выборе ему преемника, и что именно вследствие такого ответа последовало назначение Сенявина»¹.

Таким, как описывает его Бантыш-Каменский, смотрит Ушаков с сохранившегося до нас портрета: открытое, спокойное, умное лицо, высокий, красиво очерченный лоб, губы, чуть тронутые улыбкой; рука, разившая врагов родины, сжимает подзорную трубу.

Ушаков скончался у себя в деревне 2 октября 1817 г., на семьдесят третьем году от рождения и погребён в соседнем Санакарском монастыре.

Смерть знаменитого флотоводца прошла почти незамеченной. Лишь в петербургской газете «Северная почта» появилась маленькая заметка, кратко извещавшая о смерти «известного адмирала». Позднее память об Ушакове была отмечена названием его именем одного из броненосцев Балтийской эскадры.

На могиле Ушакова родственниками был поставлен памятник. Несколько лет тому назад этот памятник, давно уже заброшенный, был обнаружен и реставрирован Центральным военно-морским музеем.

В 1944 г. на родину Ушакова состоялась научная экспедиция представителей музея. Попутно экспедицией было установлено, что, проживая после отставки в деревне, адмирал Ушаков совершал поездки на Чёрное море, прославленное его победами, и что в 1812 г., во время войны с Наполеоном, Ушаков был избран начальником народного ополчения Тамбовской губернии.

Ушаков был основоположником русской самобытной морской тактики, основанной на манёвре и отрицавшей утвердившуюся рутину. Боевая практика Ушакова содержит множество поучительных примеров подготовки и ведения морского боя, которые навсегда останутся достойными подражания. Ни одна минута времени не бывала потеряна Ушаковым при нападении, в целях чего боевая линия его судов выстраивалась им, смотря по надобности, без прекращения сближения с противником (например, сражение при Тендре); чтобы помешать намерениям противника, Ушаков, как это было в блестящем деле при Калиакрии, смело выступал из линии и увлекал за собой ближайшие корабли, приказывая остальным употребить все усилия для возможного сближения с врагом; чтобы ввести флот в дело с большей уверенностью, он ставил свой корабль передовым (сражение при Филониси). Вообще Ушаков, для того чтобы призвать всех подчинённых к одинаковой решимости, всегда избирал для себя самые опасные места и положения, так что, наблюдая

¹ Н. Д. Бантыш-Каменский, цит. соч., т. V, стр. 197—200.

движения флагманского корабля, командиры всех прочих судов не могли ошибаться в намерениях своего главнокомандующего.

Ушаков, будучи, подобно Суворову, новатором, не признавал шаблонов и рутины в военном искусстве.

Он понимал, что в тех случаях, когда нужны смелые и решительные действия, нельзя соблюдать все правила, предусмотренные инструкцией. «Иногда нужно делать несходное с нею», — говорил он и поступал в соответствии с этим. По мнению Ушакова, флотоводец, вступая в бой, должен был прежде всего разгадать задуманный противником манёвр, для того чтобы, исходя из общей обстановки, расстроить его контрударом. Учитывая то обстоятельство, что во время сражения обстановка может быстро измениться, Ушаков первым совершенно отказался от следования «законам» линейной тактики, согласно которой противники в двух кильватерных колоннах вели (как упоминалось выше) «артиллерийскую дуэль» на строго определённом расстоянии друг от друга. Тактика линейного боя, связывавшая инициативу флагмана и командира, изжила себя. Ушаков противопоставил ей (в этом, между прочим, и заключаются отличительные черты его военно-морского искусства) тактику широкого манёвра, предоставление полной инициативы своим капитанам и стремление к одной общей цели — решительной победе, т. е. разгрому неприятеля.

Уже в сражении при Фидониси определились характерные для Ушакова черты: пренебрежение к системе ложного методизма, стремление активно наступать и энергично преследовать разбитого врага. Основной задачей морской войны Ушаков считал истребление судов противника, что достигается быстрым, решительным наступлением на главном направлении. В настоящем случае это была (как новый приём боя) сокрушительная атака адмиральских кораблей врага. Важную роль в стратегии и тактике Ушакова играли также внезапность нападения и замечательная быстрота передвижения. На практике изучив всё лучшее в военно-морском искусстве, что дал опыт войн XVIII в., Ушаков с необычайным талантом применил этот опыт к конкретным условиям русских морских войн. Он рассматривал (как и Суворов, глубоко уважавший Ушакова как флотоводца и человека) план войны только как ориентирующую схему, которая заполняется конкретным содержанием лишь в процессе развития всей кампании.

Ушаков был выдающимся военным воспитателем. Он считал, что моряк должен быть воином сознательным, безукоризненно знающим морское дело, и всячески поощрял проявления инициативы, выше всего ценил храбрость и решительность. Когда

Ушакова спрашивали, что он считает главным качеством моряка, он отвечал: храбрость и бесстрашие. «Испуган — наполовину побеждён», — подкреплял он свою мысль знаменитым изречением Суворова. Боевая и морская выучка людей, их готовность к подвигам, невзирая на любые преграды, — черты, которые Ушаков ревностно воспитывал в своих подчинённых. Он безгранично верил в них и потому смело шёл на самые рискованные операции.

Необходимо напомнить, что сверх всего прочего Ушаков, бесспорно, был превосходным военно-морским администратором и крупным дипломатом. «Дипломатическая борьба Ушакова с Али-пашою, — замечает по этому поводу Н. Д. Каллистов, — служит между прочим одним из многих примеров, указывающих на выдающийся дипломатический талант, политический такт и твёрдую, опирающуюся на величие русского имени политику Ушакова»¹.

Ушаков прекрасно понял своего противника Али-пашу, его двусмысленное поведение и те методы, какими надлежало воздействовать на опасного врага. Между адмиралом и пашой происходила по внешности самая вежливая переписка. Ушаков титуловал янинского губернатора «высокородный и превосходительный паша»; они постоянно уверяли друг друга во взаимном уважении и дружбе. В доказательство приязни Али-паша обещал Ушакову прислать в помощь ему при осаде Корфу своего сына с шестью или семью тысячами войска. Адмирал, желая получить заложника, писал в ответ: «Сына вашего, если изволите ко мне прислать, я беречь буду, как собственного моего сына и друга, и тем докажу вам моё почтение». И в то же время, не сомневаясь в двойной игре паши, Ушаков писал Томаре: «Нельзя почесть, чтобы Али-паша и был предан французам; он человек хитрый и беспримерно обманчивый, старается отделать себя от всякой зависимости; он держит и держать будет ту сторону, которая сильнее». И действительно, Али-паша всемерно старался лишить Ушакова доставки войск или настолько замедлить её, чтобы принудить этим адмирала снять блокаду Корфу. Больше того, он не только сам не исполнял своих обещаний, но объявил соседним пашам, что станет их открытым врагом, если они пошлют вспомогательные войска союзному флоту. Одновременно с этим он уверял Ушакова, будто неприязненные действия соседей удерживают его от исполнения повелений султанского правительства, в связи с чем грозил выступить против других пашей с оружием в руках. Чтобы предотвра-

¹ Н. Д. Каллистов, цит. соч., «История русской армии и флота», т. IX, стр. 24.

тить подобное столкновение, вредное для дела союзников, Ушаков послал алчному Али-паше золотую табакерку, осыпанную бриллиантами¹. Так дипломатично держал себя с янинским губернатором Ушаков, пока руки у него были связаны осадой Корфу. Но как только Корфу был взят, адмирал заговорил с пашой другим языком и угрозой послать военный корабль к берегам Албании смирил строптивого вассала Турции.

В той сложной обстановке, в какой находился тогда Ушаков, дружба его с турецким адмиралом и находившимся при нём советником Порты являлась необходимым условием успеха, и он сумел до конца сохранить дружеские отношения с турками. Турки, не слишком рьяные в сражениях, проявляли большую активность при разделе трофеев, заводя ссоры даже из-за мелочей. Желая сохранить хорошие отношения, Ушаков приказал не спорить с ними и даже уступил им большую часть призовых, т. е. взятых у французов судов. Доброе согласие между союзными адмиралами ни разу не нарушалось. Это служило в глазах турецкого правительства ручательством в искренности намерений русского главнокомандующего и делало безрезультатными интриги Али-паши в Константинополе. Об этом свидетельствуют письма великого визиря, в которых Ушакову от имени султана выражалась похвала и благодарность.

Большой дипломатический такт проявил Ушаков в вопросе устройства Ионической республики, сумевший, с одной стороны, оградить интересы местного населения, с другой — не нарушить интересов Турции и не затронуть самолюбия щепетильного султанского правительства. К этому следует прибавить, что распоряжения русского правительства доходили до Ушакова в лучшем случае только через два месяца. Вследствие этого ему часто приходилось принимать совершенно самостоятельно очень ответственные решения и приводить их в исполнение в крайне изменчивой военной и международной обстановке. Несмотря на это, он за всё время средиземноморской кампании ни разу не сделал ни одного неверного шага. О дипломатическом искусстве Ушакова свидетельствует также и его официальная, пока только частично опубликованная, переписка с Нельсоном и другими лицами, являющаяся образцом дипломатической корреспонденции.

Из школы непобедимого Суворова вышли Кутузов, Багратион, Раевский и др., из школы Ушакова, который, как и Суворов, не потерпел ни одного поражения, вышел Сенявин, преемниками которого явились Лазарев, Нахимов, Корнилов, Исто-

¹ Несколько таких табакерок и золотых часов имелось у адмирала специально для подобных подарков.

мин и другие доблестные защитники Севастополя и деятели нашего флота.

Не будет преувеличением сказать, что если победоносные войны России на суше во второй половине XVIII в. неразрывно связаны с именем Суворова, то её войны на море в этот же период, без сомнения, так же тесно соединены с именем Ушакова.

Непобедимый адмирал совершал свой боевой путь в то же время, что и Суворов. Подобно великому полководцу он постиг науку — как с меньшими силами бить противника сильнейшего. Ушаков действовал на море только по собственному разумению. Тем не менее его взгляды на военное дело вполне совпадали со взглядами Суворова. Это подтверждают «наставления» Ушакова, подчас лаконичные, всегда сильные, глубоко содержательные, как и суворовские. Ушаков поучал своих соратников: «Врагов не считают, — их бьют», «Неприятель становится дерзновеннее, ежели его оставлять в покое. Всемерно нужно его беспокоить и ставить в положение оборонительное», «Душою и всем моим состоянием (существом. — В. С.) предан службе и ни о чём более не думаю» и т. п.

Суворов и Ушаков близки и по духу, многое роднило их помимо искусства и новаторства в военном деле: высокий патриотизм, личная храбрость, отношение к рядовому составу, великодушие, безукоризненная честность. Немало общего было и в личной их судьбе. Известно, что по возвращении из Итальянского похода Суворов подвергся царской опале и умер в одиночестве (1800 г.). Вскоре после этого Ушаков фактически тоже оказался в опале, а по выходе в отставку доживал свой век в глухой деревушке, почти в бедности, забытый современниками.

Со времён Ушакова материальная часть флота коренным образом изменилась, техническое оснащение его стало совершеннее; оружие приобрело более грозную силу, видоизменились и усложнились формы морской войны. Высокие боевые качества русских моряков развились и усовершенствовались.

Унаследовав и впитав в себя славные боевые традиции русского военно-морского флота, советские моряки — защитники социалистического отечества, его свободы и независимости — развили и подняли их на невиданную высоту.

С именами и подвигами наших советских моряков связаны многочисленные героические победы. Являясь олицетворением бесстрашия, отваги и преданности воинскому долгу, наши моряки, наш непобедимый флот прочно связаны с историческим прошлым, где среди славных, незабываемых имён имя Ушакова занимает одно из самых видных мест.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Кадетский морской корпус и учебные плавания	3
2. Первая русско-турецкая война 1768—1774 гг. Боевое крещение .	6
3. Заграничные плавания. На строительстве Черноморского флота	12
4. Вторая русско-турецкая война 1787—1791 гг. «Генеральная баталья»	19
5. Керчь. Тендра. Калиакрия	25
6. Строительство Севастопольского порта. Выступление в средиземноморский поход	37
7. Первые военные действия в Средиземноморье. Блокада Корфу	46
8. Взятие Корфу и устройство Республики семи островов	54
9. Борьба с французами в Италии. Возвращение на родину . . .	60
10. Отставка. Последние годы жизни	67

Редактор *Н. Фройнд*

Подписано в печать 12 июля 1945 г. Тираж 25 000 экз. А21229. Заказ № 1000.
Объем 4³/₄ п. л. Цена 1 р.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР.
Москва, Краснопролетарская, 16.